

МОЕ ЗЛОЕ
СЕРДЦЕ

Триллер
с немецким
характером

ВУЛЬФ ДОРН

Trendbooks thriller

Вульф Дорн

Мое злое сердце

«CLEVER»

2012

УДК 82-311.1
ББК 84(4Герм)

Дорн В.

Мое злое сердце / В. Дорн — «CLEVER», 2012 — (Trendbooks thriller)

ISBN 978-5-00154-252-0

Дора часто слышит странный голос. Он шепчет гадости, смеется над ней, обвиняет в ужасном преступлении. Переезд в другой дом и новый психотерапевт едва ли что-то меняют. Мрачные галлюцинации Доры только усиливаются. Однажды девушку посещает видение погибшего мальчика. Мистика или игра фантазии? Доре кажется, что кто-то намеренно сводит ее с ума. Она начинает собственное расследование, но никто не верит девушке. Может ли злая часть собственной натуры играть с ней в жестокие игры?

УДК 82-311.1
ББК 84(4Герм)

ISBN 978-5-00154-252-0

© Дорн В., 2012
© CLEVER, 2012

Содержание

Черное воспоминание	6
Часть первая. Фрик	9
1. Четырнадцать месяцев спустя...	9
2	13
3	16
4	20
5	23
6	25
7	29
8	30
9	32
10	34
11	36
12	38
13	41
14	42
15	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вульф Дорн

Мое злое сердце

Оригинальное название: Mein böses Herz

Text copyright © 2012 by Wulf Dorn (www.wulfdorn.net), represented by AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de)

Originally published 2012 by cbt Verlag, Munich, Germany

Автор изображения: Филипп Рабачев

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

* * *

*Посвящается Синделле, а также Йоргу, Конни, Лили,
Кристофу, Деннису и Дисмасу*

*«Зло не таится в сути вещей.
Оно живет только в человеке».*

Китайская мудрость

*«Если бы можно было
чувствовать это всегда,
Если бы все снова вернулось на
круги своя...»
«Навсегда»*

Foo Fighters

*«Каждый из нас одинок
И скрывает дьявола внутри».*

INXS

Черное воспоминание

«Что ты сделала, Дора? Что же ты сделала...»

Там кто-то был. Кто-то пытался проникнуть в мою комнату. Еще не открыв глаза, я почувствовала его присутствие. Холодное. Мрачное. Зловещее.

«Взгляни на меня, Дора!» Этот голос, такой мрачный и скрипучий, не мог принадлежать человеку. Скорее... Нет, мое воображение отказывалось представить законченный образ. Все, что оно мне показывало, – полная, бездонная чернота. Что это было, я не в состоянии описать. Я могла только ощутить, насколько «оно» зло.

«Оставь, – произнес угрожающе голос в моей голове. – Взгляни-ка сюда! Чего ты еще ждешь?» У меня перехватило дыхание. Тело словно окаменело. Я уставилась на свои пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в одеяло, тогда как что-то за моей спиной медленно приближалось. Его ступни бесшумно ступали по ковру, и с каждым его шагом становилось все холоднее. Когда оно, подойдя ко мне вплотную, остановилось, онемение пропало, я начала дрожать всем телом, словно в ознобе.

«Ты боишься меня, – утвердительно произнесло Нечто и хихикнуло. – Но бояться тебе следует в первую очередь саму себя. Не правда ли, Дора?» Снова хихиканье. Будто град стучит по медной крыше. Мой страх перед тем, что я вот-вот увижу, был слишком силен. Я хотела закричать, но ничего не вышло. Я знала, что вздрогну от страха, если обернусь. Но я могла только лежать неподвижно, дрожащая и беспомощная.

«Мы оба знаем, что ты сотворила, – прохрипел голос, и я ощутила леденящее дыхание на своей щеке. – Это наша маленькая грязная тайна. Но что ты будешь делать, если об этом узнают другие? Что об этом подумают милые благовоспитанные девочки?»

– Оставь... оставь меня в покое!

Мне потребовалось напрячь все силы, чтобы заговорить. Слова выходили нечеткими, сбивчивыми, как бормотание пьяного. «Нет, – шепнуло Нечто, – я никогда не оставлю тебя в покое! Никогда, ты понимаешь? Ты впустила меня в свою жизнь, и отныне мы связаны».

– Нет, – я почти рыдала, – прочь от меня! Сгинь!

«Как хочешь, – ответило Нечто. – Сейчас я уйду.

Но я вернусь. И буду возвращаться снова и снова. Пока ты не увидишь, что ты сделала. Никто не спрячется от своих поступков, Дора. И ты в том числе!»

В мгновение ока холод пропал. Существо испарилось. Оно исчезло, будто его никогда и не существовало. Со слезами я очнулась от своего кошмара. Он показался мне настолько реальным, что меня не удивили бы оставшиеся на ковре следы. Но в комнате, естественно, никого не было. Через тяжелые шторы зеленого бархата проникало июльское солнце, бросая яркие полосы. Будильник показывал без пяти восемь. Снизу я слышала звяканье посуды и голоса своих родителей.

– Охотно! – крикнул папа из ванной, перекрывая своим глубоким баритоном жужжание электробритвы. – Два, пожалуйста, вкрутую. Они мне сегодня понадобятся.

Из кухни до меня донесся мамин смех. В любое другое летнее утро эта домашняя суэта вызвала бы у меня раздражение, я бы натянула одеяло на голову и продолжила спать. Но сегодня я впервые была рада шуму, разбудившему меня. Я выпрыгнула из кровати, натянула джинсы и футболку и спустилась вниз. Мамусик стояла в кухне и насыпала кофе в кофемашину.

– Бонджорно, кара¹. Ты что так рано?

¹ *Buon giorno, cara* – «Доброе утро, дорогая» (итал. л.).

Она улыбнулась мне. В лучах утреннего солнца ее черные волосы соперничали блеском с карими глазами. У каждого человека своя собственная палитра, у моей мамы – удивительные золотисто-карие глаза. Ее родители родом с Сицилии, и моя бабушка всегда говорила: итальянки – самые гордые и самые красивые женщины в мире. Не знаю, относится ли это ко всем итальянкам, но к моей маме точно.

Мамусик мне только кивнула:

– Еще злишься из-за вчерашнего?

– Из-за вчерашнего?

Я покачала головой. В то мгновение я была слишком рада избавлению от своего кошмара, чтобы думать о том, что случилось вчера.

– Нет, уже не злюсь.

Мама улыбнулась:

– Я рада, кара миа. Давай лучше забудем нашу ссору.

– Конечно, – сказала я и попыталась восстановить в памяти события предыдущего дня, но мне это не удалось. – Я слишком бурно реагировала или что?

– Ты унаследовала бабушкин темперамент. Учись с ним жить.

– Так оно и есть, – сказал папа, входя за мной в кухню.

Он склонился ко мне и чмокнул в щеку. Он пах лосьоном для бритья. На бутылочке было написано «Кристалльная свежесть». Этот запах вызывал у меня мысли не о кристаллах, а о цвете слоновой кости. Это был цвет моего отца.

– Если ты унаследовала внешность от мамы, а темперамент от бабушки, то что же тебе досталось от меня?

– Второе имя твоей матери, – ответила я, стирая запах цвета слоновой кости со щеки.

Каждый раз, глядя на него, я спрашивала себя, почему выросла только до метра шестидесяти двух сантиметров и выглядела в своей семье карлицей. Папа был высоким стройным мужчиной с широкими скулами и глубоко посаженными голубыми глазами. Он провел пальцами по своим мокрым каштановым волосам и взглянул на меня испытующе:

– Не понимаю, что тебе не нравится.

– Ну, пойми же, папа. Какой девочке захочется, чтобы ее звали Доротея?

– Тебе, судя по всему, нет.

– Мне это имя кажется банальным.

– Знаю, – отец пожал плечами, – но твоей матери оно нравится. Не правда ли, дорогая? Таймер для варки яиц спас маму от ответа.

– Дора, солнышко, посмотри, как там твой брат. Он наверняка уже проснулся.

– Ох, мама, ну почему всегда я? Разве папа не может за ним посмотреть?

Каждое утро повторяется одно и то же. Одна мысль о кричащем маленьком чудовище напрочь стирает мое хорошее настроение. Не то чтобы я не любила своего полуторагодовалого братца, но необходимость постоянно быть нянькой для нашего «птенчика», как его называет тетя Лидия, меня угнетает. Наверняка маленький Кай уже наделал в пеленки, и при мысли о противном запахе мой желудок сжимается.

– Меня командировали за булочками. – Папа достал ключ от машины. – Будь добра, сделай то, что мама просит. Не забывай, что она тоже унаследовала темперамент твоей бабушки. А кроме того, упрямство твоего дедушки.

– Вы оба просто невыносимы, – сказала мама и рассмеялась. – Ну давайте, вперед, а то у меня яйца остывают.

Мы с папой коротко, с улыбкой переглянулись. Тогда я еще не знала, что это последний счастливый момент в жизни нашей семьи.

Воспоминание о том, что произошло дальше, приходит ко мне лишь в виде разрозненных, спутанных обрывков. Как будто воспринимаешь окружающее, держа голову под водой. Я

не слышу больше ни голоса мамы в кухне, ни шума машины, которую заводит отец. Вместо этого мою голову заполняет протяжный монотонный звук. Он уже давно со мной – со времени моей болезни, когда у меня была очень высокая температура. Тогда я тоже слышала этот звук. Смесь гудения и жужжания, которую трудно описать. Это немного похоже на звук, который слышишь под линией электропередач в открытом поле.

Я стою в кухне и смотрю наверх. Солнечный свет падает из окна на ступеньки лестницы, ведущей на верхний этаж, заливая их каким-то нездешним сиянием. Снова все как в моем бреду. По какой-то неясной причине мне не хочется идти наверх, но я все же поднимаюсь по лестнице. Мокрые ступни касаются коврового покрытия. Прочные, узкие ступеньки. Они будто хотят меня задержать. «Остановись, не ходи дальше! – произнес кто-то в моей голове. – Не ходи дальше!»

Комната Кая в конце коридора на втором этаже. Дойдя до середины лестницы, я вижу картонную фигурку на двери. Она такая яркая, что ее краски ослепляют меня. Я моргаю и осторожно иду дальше. Стараюсь расслышать голос Кая через гудение в голове, но в комнате непривычно тихо. Он должен был услышать наши голоса на кухне. Почему же он не кричит, как всегда?

Коридор, ведущий к двери, кажется мне бесконечно длинным, а солнечный свет вдруг куда-то исчезает, будто на окно напозла грозовая туча. Предупреждающий голос в моей голове все звучит. Он не хочет, чтобы я шла дальше. Но я все же приближаюсь к комнате Кая. Шаг за шагом. Я просто не могу остановиться. Я кладу пальцы на ручку двери и осторожно надавливаю на нее. Вступаю в полутьму детской. Странная тишина. Я вижу зарешеченную детскую кроватку Кая. Над ней замерли персонажи диснеевских мультфильмов.

– Кай, – шепчу я, – ты уже проснулся?

Тишина сдавливает мне грудь, словно обручем.

– Кай, – повторяю я, на этот раз громче, – ты, маленький крикун, что с тобой случилось?

Никто не отвечает. Я различаю очертания ребенка под легким покрывалом, смотрю на узор со смеющимися танцующими слониками на голубом фоне. Кай не шевелится. Откуда-то я знаю, что сейчас самое время отвернуться и опрометью бежать вниз. Но что-то неудержимо притягивает меня к кроватке маленького брата. Я стою у решетки, смотрю сначала на тот конец, где ножки, откуда на меня скалится большой мягкий заяц Кая. Все во мне сжимается при мысли о взгляде на другой конец кроватки. Я зажмуриваюсь так сильно, как только могу.

– Кай, – слышу я свой собственный голос, – пожалуйста...

Но в ответ только ненавистная, злая тишина. Я поворачиваю навстречу ей лицо и медленно-медленно открываю глаза. Передо мной лежит Кай и смотрит на меня. Его глаза такие же безжизненные, как у игрушечного зайца. Только Кай не улыбается. Он... он... Его лицо... О боже, его лицо... Теперь я наконец начинаю кричать.

С того дня моя жизнь кардинально переменялась. Ничто не осталось прежним. Меня отвезли в клинику, где было много разговоров с психиатрами и психотерапевтами. Они хотели, чтобы я вспомнила, что случилось ночью накануне смерти Кая. Но ничего не вышло. Вместо картинок на этом месте в моей памяти только черная дыра, и где-то в глубине этой бездонной тьмы я слышу голос зловещего существа. Глубокий, скрипучий и угрожающий. «Что ты сделала, Дора? Что же ты сделала...»

Я не знаю. В самом деле, я ничего не знаю. Все, что осталось в моей памяти об этом времени, лучше всего можно выразить словами с настенного календаря, который повесила над кроватью моя соседка по палате: «Лишь потеряв что-либо, мы осознаем, что оно для нас значило».

Часть первая. Фрик

1. Четырнадцать месяцев спустя...

– Ой, что это там такое?

Мамусик так резко нажала на тормоз, что меня отбросило вперед и ремень безопасности больно впился в тело. Я ойкнула и с упреком взглянула на мать. Пока мы ехали, я дремала, и от испуга сердце у меня из груди чуть не выпрыгнуло.

– Боже мой, – произнесла мама, не взглянув на меня.

Я зажмурилась от резкого солнечного света. Мы стояли в автомобильной пробке, протянувшейся по проселочной дороге на сотню метров.

– Там авария?

– Впереди что-то горит.

Мама указала на начало столпотворения машин, но солнце светило слишком ярко, чтобы я могла что-то разглядеть, – будто безуспешно пытаешься различить детали на недопроявленной фотокарточке. Я подняла с пола салона свои солнечные очки, слетевшие от резкого маневра мамусика, и тут увидела черный столб дыма, поднимавшийся к безоблачному небу вертикально, подобно свече. Вокруг нас колыхались поля зерновых, воздух словно замер от послепопуденной жары. Стрекотали сверчки, над холмами парил тяжелый летний запах ягодных кустов, хлеба и сухой травы.

Я отерла пот со лба. Футболка прилипла к телу, и я мечтала скорее очутиться под душем. Старый мамин «Пунто» не был оборудован кондиционером, и я чувствовала себя куриной тушкой на вертеле.

– Где мы застряли?

– Недалеко от Ульфингена. – Мама заглушила мотор и высунулась из окна. – Ты не видишь, что там впереди горит? Как ты думаешь?

– Мда, превосходно.

Я огляделась вокруг и не заметила ни единого домика, только холмы, поля и скалы. Я вздохнула. Значит, вот какой будет моя новая родина.

– Просто великолепно, ничего не скажешь.

Я вспомнила о наклейке, которую мне подарила Беа, когда мы еще были подругами. «ФАЛЕНБЕРГ – НЕ ПУП ЗЕМЛИ, НО МИР МОЖНО ПОЗНАТЬ И ОТСЮДА». Тот, кто придумал этот афоризм, наверняка глядел в сторону церкви Фаленберга. А где-то рядом лежал Ульфинген – Богом забытая глушь. «За семью горами, у семи гномов», – вспомнила я детскую считалку, но не нашла в себе сил над ней посмеяться.

– Почему ты захотела переехать именно сюда, мам?

Мамусик снова откинулась на спинку водительского сиденья, достала из бардачка дорожную карту и начала обмахиваться ею, как веером. Затем она повернулась ко мне:

– Потому что я нашла здесь работу, только и всего.

Я видела свое отражение в стеклах ее огромных солнечных очков: потная девочка с прилипшими ко лбу короткими черными волосами, с отсутствующим выражением лица.

– Знаю, – сказала я и вздохнула. – Но наверняка и в другом месте тоже есть работа. В этой дыре нет даже кола, чтобы на нем можно было повеситься.

– Не принимай все так близко к сердцу, кара. Тебе здесь еще понравится, вот увидишь. Это очаровательное маленькое местечко, как когда-то у бабушки в Чефалу.

– Маленькая Сицилия в Швейцарских Альпах? Сложно представить.

– Где твоя фантазия, кара?

Я схватила ее руку с импровизированным веером и развернула так, чтобы и мне доставалось немного свежего воздуха. Прохлады это особо не прибавило.

– В настоящее время моя фантазия расплавилась от жары.

Я думала о постере с берлинской Академией художеств, который размещу на видном месте, как только прибуду в Ульфинген, – как это было в моей прежней комнате. Этот постер – мой долгосрочный мотиватор, который позволит мне, как я предполагала, не задохнуться от скуки в маленьком городке.

Берлин – моя главная цель. Я мечтаю наконец-то вырваться из узкого мирка выращивания кроликов, духовых оркестров и маленьких аккуратных садилов – туда, в пульсирующий мир больших городов. Там меня ждут интересные люди, огромные библиотеки, художественные выставки, гала-концерты звезд и кинотеатры с экранами во всю стену – больше, чем фасады кинотеатров, в которые я ходила. Это будет жизнь, о которой мечтает каждая шестнадцатилетняя девчонка, – почти шестнадцатилетняя. Все, что мне необходимо для этого нового старта, – это хороший аттестат, и над этим я в последние месяцы усердно работала, несмотря на все события минувшего года. И мне это почти удалось, нужно лишь еще немного продержаться.

– Возьми, выпей глоток.

Мамусик взяла с заднего сиденья бутылку и протянула мне. Теплая минеральная вода горчила, вкус ее показался мне противным, как никогда.

– Ты сегодня принимала таблетки, кара?

Я округлила глаза:

– Конечно, мама.

– И ты договорилась с врачом о терапии?

– Да, я это сделала.

– А ты позаботилась о направлении?

– Боже, ну конечно же! Сколько можно!

Она сняла очки и смущенно улыбнулась, потому что задавала мне этот вопрос уже в третий раз.

– Я хочу тебе только добра, дорогая.

– Я знаю, мама. Но меня нервирует, когда ты постоянно спрашиваешь об одном и том же. Четыре месяца у тети Лидии и так были стрессом.

– Ты несправедлива, Дора! Ты должна быть ей благодарна, что остаток учебного года прожила у нее. Ты ведь сама этого хотела, не забывай.

– Я ей действительно благодарна, – ответила я.

Это в самом деле было так. Со стороны тети Лидии было очень любезно предложить мне пожить у нее, чтобы мне не пришлось менять школу после развода моих родителей. Я боялась, что мои школьные результаты ухудшатся, если буду сдавать экзамены в новом месте. Многочисленные изменения в моей жизни и без того меня угнетали.

– Но ты ведь знаешь, тетя Лидия всегда такая. Ее гиперопека и правда может действовать на нервы. Мама, не начинай, прошу тебя!

Мама поджала губы и кивнула.

– Мне кажется, новый психолог очень милый, – сказала она, явно желая переменить тему. – Он сразу мне сказал, когда ты можешь прийти к нему на прием. Завтра в первой половине дня.

– Уже завтра?

– А что в этом плохого? У тебя же каникулы.

– Именно поэтому.

– Дора, мы не будем спорить с тобой по этому поводу, ладно? К тому же он наш сосед – живет как раз напротив.

– Даже так! Очень практично! Ты действительно подобрала отличное жилье.

Мама взглянула через окно на стенд с афишей, приглашавшей на концерт какой-то заезжей рок-группы. «ПРИ ВХОДЕ НАПИТКИ ВКЛЮЧЕНЫ В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ», – было указано пониже даты концерта. Я подумала: да уж, это действительно привлечет публику.

– Ну наконец, – произнесла мама, снова надевая солнечные очки, – похоже, мы скоро двинемся дальше.

Цепочка автомобилей медленно пришла в движение, продвигаясь вперед со скоростью улитки.

– Отец тебе не звонил?

Вопрос мамы прозвучал как бы мимоходом, но я знала, что эта тема ей вовсе не так безразлична, как она стремится показать. Со мной дело обстояло так же.

– Нет, последнее, что я от него слышала, – он нашел покупателя на наш дом. Но это было две недели тому назад.

– Он, вероятно, переехал к ней?

Мамусик подчеркнула «к ней», произнеся эти слова так, будто они ее душат. Под ними подразумевалась Симона, коллега отца и основная причина, по которой мама уволилась с моторного завода Фаленберга.

Два месяца спустя после смерти Кая у папы завязалась с ней интрижка. По крайней мере, он так это назвал. Интрижка. Как будто это уменьшало причиненную боль. Отец проявил слабость, когда мама обо всем узнала и потребовала объяснений. Смерть Кая, последовавшая за этим мамина депрессия, во время которой она неделями не вставала с кровати, мое пребывание в психиатрической клинике – все это стало для него слишком сильным шоком. Но никто не спросил, не было ли это шоком для нас!

Его извинение для меня ничего не значило, а для мамы и подавно. Для меня оно никогда не звучало искренне – он ведь не боролся за маму и не порвал со своей пассивностью. Вместо этого, когда мама предложила развод, он тотчас согласился и утратил последнюю искорку моего уважения к нему, которая еще теплилась.

Я не могла понять папу. Его поведение сделало меня злой и беспомощной. Он разбил сердце нам обеим, маме и мне, как бы высокопарно это ни звучало. Когда он впоследствии предложил мне пожить у него, пока мама не переедет в Ульфинген, я отказалась. Вместо этого я поехала жить к его сестре Лидии – суперзаботливой тете Лидии, вручившей мне на прощание пакет с продуктами. Она тоже не могла понять поведения брата. «Таковы мужчины, – сказала она мне. – Оставайся лучше незамужней, как я».

– Это не поле, – вдруг сказала мама, вырвав меня из круговорота моих мыслей.

– Что?

– Огонь. Там что-то горит. Но это не поле. А вон там, видишь, озеро?

Солнце било мне прямо в лицо. Ветровое стекло маминой машины давно нуждалось в чистке, но форсунки опрыскивателя сломались. Поэтому мы проехали еще какое-то расстояние, прежде чем я смогла наконец увидеть озеро. Издалека ровная поверхность не отличалась от полей, но вблизи я разглядела обширную водную гладь, скрывавшуюся за холмами. Тут мы и увидели причину дымового столба.

На берегу горел микроавтобус. Огонь мало что оставил от него, каркас полностью обуглился, а из лопнувших окон еще вырывались языки пламени. Автобус слегка накренился на один бок, в воздухе воняло жженой резиной и средством, с помощью которого пожарные тушат огонь. Я отстегнула ремень безопасности и высунулась в окно. В начале пробки я увидела многочисленные полицейские фургоны, пожарные машины и скорую помощь, которые сейчас отъезжали без тревожного синего света мигалок. Дурной знак. Полицейские жестами показывали

ехавшим впереди нас водителям, чтобы те двигались дальше, но большинство из любопытства замедляли скорость возле горящей машины.

Когда мы проезжали место аварии, до меня донеслись голоса полицейских и шоферов. Среди шума машин можно было различить лишь обрывки фраз:

- ...Следить, чтобы пламя не перекинулось...
- ...Поджог...
- ...Эти молодые люди...
- ...Просто невероятно...

Наконец мы выехали из пробки, и мама повела машину в нужном направлении. Теперь мы продвигались значительно быстрее. Спотыкаясь на каждой рытвине, мы ехали по пыльной проселочной дороге. Я обернулась назад, чтобы проверить, хорошо ли закреплены на заднем сиденье мои сумки. В облаке пыли, которую мы поднимали, я слабо различила контуры «труповозки», только что свернувшей с главной улицы к месту аварии.

Облако серо-коричневой пыли превращало сцену с фургоном для перевозки тел в кадр из старого фильма. Черный лак машины сверкал на солнце, и этот свет казался каким-то потусторонним. «Как тогда с Каем», – подумала я. И тотчас, несмотря на жару, меня охватил ледяной холод.

2

– Пожалуйста, дай этому дому шанс. Договорились?

Мамусик бросила на меня беглый взгляд, когда мы входили в наш новый дом – довольно старое трехэтажное строение, у которого во многих местах облетела штукатурка. Новыми в этом доме были лишь пластиковые окна: их белые рамы напоминали неестественно белозубую улыбку на морщинистом лице столетнего старца. Потемневшая черепица крыши, небольшая спутниковая антенна, казавшаяся чем-то чужеродным, поросшая мхом ограда, садовая беседка, старая яблоня, простиравшая корявые ветви к входной двери.

Под деревом мы заметили собачью конуру. Судя по размеру, ее прежним обитателем была такса или другая собака небольшой породы. Но это явно было очень давно. Мама рассказала, что прежний владелец дома умер полтора года назад. В одном из ящиков буфета я наткнулась на фотографию белобородого мужчины с красными одутловатыми щеками, напомнившего мне Санта-Клауса. Теперь дом принадлежал его племяннику, банковскому служащему из Карловых Вар, который не считал нужным заботиться об этом строении. Он предложил маме очень выгодную арендную плату в обмен на то, что она будет заниматься мелким ремонтом. Они легко пришли к соглашению. «Совсем не то что наш прежний дом», – подумала я, испытав некоторую ностальгию по нашему жилищу в Фаленберге.

– Ну как? – спросила мама, робко взглянув на меня.

– Очень мило! – ответила я. – Честно, мама. Настоящий ведьмин домик. Будто создан для нас с тобой.

Она с облегчением улыбнулась мне:

– Маленькая лгунья! Но мы сделаем его самым лучшим, не правда ли? Внутри он выглядит вполне прилично, сейчас сама увидишь.

Я запечатлела поцелуй на ее щеке.

– Не беспокойся. Главное, нам надо держаться друг друга. – Я увидела выступившие на маминых глазах слезы и добавила: – Все свободное время мы сможем печь пряники и оклеивать ими стены. Что ты об этом думаешь?

Мама засмеялась, и у меня камень упал с души.

В том, что касалось интерьера, она не преувеличила. Мамусик сильно постаралась, чтобы создать для нас уютный домашний очаг. Все было тщательно убрано и надраено, в доме пахло чистящим средством и фруктовым ароматическим маслом. В коридоре, рядом с телефонным уголком, меня ждала высокая пузатая ваза, в которой стояли только что срезанные подсолнухи – мои любимые цветы. Над лестницей висела гирлянда со словами «Добро пожаловать!». Я была искренне тронута и подумала: «Теперь я знаю цвет этого дома: приветливый желтый».

Гостиную мамусик обставила как новой, так и старой мебелью, так что «пришельцы» из «Икеи» встретились с предметами моего сицилийского наследства, доставшегося от бабушки с бабушкой. Кухня оказалась просторной и аккуратной, и, несмотря на сочетание купленных на барахолке стеновых шкафов, буфета Санта-Клауса и складного гарнитура, я чувствовала себя здесь довольно комфортно. Что касается семейного уюта, кухня раньше была для меня важнейшим местом. Здесь мы встречались, готовили еду, проводили вместе время.

– Мы все это обновим, – сказала мама, бросая извиняющийся беглый взгляд на складные стулья. – Но на это потребуется время. Переезд стоил кучу денег, а все свои сбережения я вложила в обстановку.

– Мне здесь нравится, – сказала я, схватив ее за руку. – Даже очень. В особенности складные стулья. Они останутся, оба, пообещай мне.

Мама снова засмеялась и шлепнула меня по попе:

– Отнеси свои вещи наверх. Пока ты распаковываешься, я приготовлю наш фирменный салат и сделаю свежий лимонад.

Моя комната находилась на втором этаже, рядом с ванной. Мамусик не хотела, чтобы папа помогал нам при переезде, в период моей подготовки к экзаменам, поэтому дядя Альфонсо из Неаполя взял отпуск и приехал нам помочь.

Это было странное чувство – увидеть свою привычную мебель в новом окружении: принадлежащие мне кровать, шифоньер, две книжные полки, письменный стол, но все это было расставлено по-другому. Моя прежняя комната была квадратной, а эта – несколько вытянутой в длину. С одной стороны, я почувствовала отчуждение, увидев свои старые вещи, с другой, их вид вызывал ощущение домашнего уюта. Я слышала, как мама хлопочет внизу на кухне, и подумала о ее превосходном лимонаде. Она всегда готовила его собственноручно, по бабушкиному рецепту, и на нее это привычное действие наверняка влияло так же, как на меня моя мебель. Это было что-то знакомое и надежное посреди нового, кусок воспоминания о том, что некогда значило много. И чего больше не существует.

В одной из картонных коробок я увидела свою папку для рисунков и решила как можно скорее разыскать картины, висевшие в моей прежней комнате. Кроме того, я смогу нарисовать новые и потом повесить их тоже. Но сейчас мне, как и маме, хотелось видеть что-то привычное и знакомое, чтобы иметь возможность за это зацепиться. В моей комнате было два окна. Из одного был виден сад позади дома. Это был старый, заросший сад с мощными фруктовыми деревьями, крытой поленницей вдоль поросшей мхом ограды и покосившейся беседкой, делавшей наш дом похожим на какой-то заколдованный сказочный замок.

Второе окно выходило к соседнему дому – такому же простому зданию, как наше, только более просторному и лучше сохранившемуся. Между аккуратно подстриженными кустами, росшими по обе стороны от входа, в лучах заходящего солнца на двери сверкала табличка. Я высунулась из окна, прищурилась и прочла черную гравировку: «Ф. НОРД. Психотерапевт». Ниже было написано что-то еще, но из-за большого расстояния я не могла разобрать буквы. Наверняка время приема.

Как мамочка все для меня предусмотрела! Эта мысль не показалась мне такой уж странной. Не исключено, что при выборе квартиры она руководствовалась тем, чтобы я находилась поближе к психотерапевту. Чтобы он всегда держал меня в поле зрения. Мама всегда прекрасно умела все планировать. Не по этой ли причине психотерапевт оказался нашим соседом?

Как раз когда я собиралась выйти из комнаты, дверь соседнего дома отворилась, и оттуда вышел парень. Он был примерно моего возраста, возможно, на год или два старше, и неплохо выглядел. Очень и очень неплохо. Он был высоким и стройным, носил довольно длинные каштановые волосы, падавшие ему на лицо. Его кроссовки, джинсы-бермуды и футболка с принтом «Californication» были простыми, но забавными. Однако меня поразила не его внешность. Меня поразила его походка. Что-то в этом парне было не так. Он шагал медленно, ссутулившись, будто нес на плечах невидимый тяжелый груз.

Он выглядел потерянным. И грустным – подобное выражение лица я видела только у пациентов психиатрической клиники. По всей вероятности, юноша был одним из пациентов доктора Норда. Его вид вызвал во мне чувство, которое мой прежний терапевт называл бы эмпатией. Эта эмпатия оказалась невероятно сильной. Я почти кожей ощутила его горе. Чтобы защититься от этого чувства, я попыталась издалека определить цвет незнакомца. Но мне это не удалось.

Он шел по направлению к «Веспе», припаркованной на улице перед домом. Садясь на мотороллер, он поднял глаза вверх. Наши взгляды встретились, и я ощутила его печаль еще отчетливее. Как будто две тяжелые руки опустились на мои плечи. Я закрыла окно и вынуждена была сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы прийти в себя. Потом я совер-

шила ознакомительную вылазку на третий этаж. Помимо ванной и маминной спальни, в конце коридора находилась еще одна большая комната. Дверь в нее была приоткрыта.

Я вошла. Внутри было темно и пыльно. Мама закрыла шторы, чтобы хоть немного защититься от жары, но воздух остался спертым и горячим, как и на всем третьем этаже. В сумеречном свете я различила несколько картонных коробок, собранных при переезде: лежавшие в них вещи ждали, пока не займут свое место в доме. Пылесос, две разобранные подвесные полки, находившиеся раньше в кладовой – а здесь ее не было, – и гладильная доска, напоминавшая в полутьме гигантское насекомое.

Эта комната подействовала на меня угнетающе, и я уже хотела уйти, когда вдруг заметила пару торчавших из коробки длинных ушей – мягкий заяц Кая в штанишках из латекса. Это стало такой неожиданностью, что на миг у меня перехватило дыхание. Я осторожно подошла к коробке и остановилась перед зайцем. Он ухмылялся мне в лицо. «Привет, Дора, – послышался мне шепот из высокой картонной коробки. – Рад снова тебя видеть! Ты меня помнишь? Мы ведь виделись тем утром. Я говорю про то утро, ночь перед которым ты никак не можешь вспомнить. Вопрос только в том, не можешь или не хочешь. Не правда ли, Дора?»

Мне показалось, я задыхаюсь. Я схватила зайца за длинные уши и швырнула в угол на коробки. Там он остался лежать, скорчившись, и по-прежнему продолжал мне скалиться. Я заставила себя встряхнуться и дотронулась рукой до картона, как меня учил мой терапевт. Дотронься до чего-нибудь, чего-то реального, но не до себя – так как чувства в такой момент способны обмануть, – чтобы осознать, существует это в действительности или нет.

Голоса зайца в реальности не существовало, а картон – вот он. Мама сохранила на память о Кае некоторые его вещи: игрушки, ползунки, пинетки... И, судя по тому, что это была единственная открытая коробка в комнате, мама в нее не раз заглядывала. Осторожно я вынула из коробки фотоальбом, на котором до этого сидел заяц. Погладила кожаный переплет с золотой тисненой надписью «НАШ РЕБЕНОК». Открыв альбом, я сразу увидела, как Кай таращится из кроватки родильного дома. Его любопытные глазенки были широко открыты, будто он с самого начала решил ничего не упускать.

«Да, таким он и был, мой маленький жизнелюбивый братец», – подумала я и вынуждена была невольно улыбнуться воспоминанию. На глазах выступили слезы. Рядом с картинкой стояло: «Мое первое фото», а ниже мама написала своим аккуратным почерком: «Я родился 16 декабря 2009 года под знаком Стрельца. В 11 часов утра в Фаленберге, с медицинской помощью доктора Шольца. Я весил 2980 граммов и был ростом 50 сантиметров».

Шорох поблизости заставил меня вздрогнуть. С испугом я взглянула на зайца, лежавшего теперь на полу в скрюченной позе. Сердце забилось сильнее. Я постаралась успокоиться, объяснить себе, что заяц просто скатился с гладкой поверхности коробки, на которую я его бросила.

– Обыкновенная физика, – прошептала я самой себе.

Но было что-то еще. Покашливание, шуршание, которое я тотчас узнала, хотя давно уже его не слышала. Это был все тот же мерзкий шум, который я слышала тогда. И теперь, в этом сером, замкнутом, полном темных углов, душном помещении с задернутыми шторами, с ухмыляющимся зайцем и гладильной доской, похожей на гигантское насекомое, этот невыносимый шум вернулся ко мне. Не медля ни секунды, я захлопнула альбом и швырнула его назад в коробку. Затем бросилась скорее к маме в кухню.

Когда передо мной на столе оказались большая стеклянная кружка с лимонадом и полная тарелка салата, спазм начал понемногу отпускать меня. Этой ночью я спала очень беспокойно, много раз просыпаясь в холодном поту. Вероятно, виной тому была жара, распространявшаяся с верхнего этажа. Или ощущение, что в темноте я нахожусь не одна.

3

Где-то к утру я наконец-то заснула по-настоящему. Когда я проснулась, была уже половина одиннадцатого, и я вспомнила о своем визите к психотерапевту – визите, который моя мама спланировала и о котором условилась почти за шесть месяцев до моего приезда в новый дом. Я побежала на кухню, залпом выпила стакан апельсинового сока и съела тост с мармеладом. На кухонном столике лежала записка:

«Я на работе. Не забудь о своем визите к врачу в 11.

Радуюсь заранее сегодняшнему вечеру.

Целую. Мама».

Мама. Ей не слишком нравилось, когда я называла ее «мамусик». Это напоминало ей американские фильмы. Но «мама» казалось мне слишком детским, «мать» – слишком холодным. Ни за что я не хотела называть ее «Антонелла», хотя имя казалось мне красивым. Мне не пришло в голову ничего другого, кроме «мамусика», по-американски это звучало или нет.

Ровно в одиннадцать я постучала в дверь доктора Ф. Норда. Он сам открыл мне. «Ф» на бейджике означало Франк, как он объяснил мне по дороге к кабинету. Он привел меня в просторное светлое помещение рядом с жилой комнатой. Застекленная стена позволяла любоваться зимним садом, а оттуда были видны терраса и участок. Я радовалась красивому виду и прохладному воздуху, проникавшему через две открытые стеклянные двери.

Норд предложил мне занять место в одном из четырех удобных мягких кресел. Он сел напротив меня и налил нам обоим воды из хрустального графина. Нашу беседу он начал с безобидной болтовни, и у нас было время составить первое впечатление друг о друге. Он спросил меня, как прошли мои экзамены, как мне понравились Ульфинген и новый дом; наконец мы поговорили о жарком лете.

На вид Франку Норду было около сорока, но его подтянутое лицо и приятный голос делали его значительно моложе. Он понравился мне, и не только потому, что с самого начала называл меня Дора, а не Доротея. Доктор Форстнер в клинике Фаленберга долго не мог понять, что я предпочитаю свое уменьшительное имя. Норд имел приятный песочно-бежевый цвет, о котором напоминали удобные кресла и запах дубовой мебели в его кабинете. Так же, как светло-кремовый цвет его пуловера, надетого с легкими полотняными брюками, и его светлые, коротко подстриженные волосы, в которых уже мелькала первая седина.

В манере, с которой он со мной говорил, и в том, как он смотрел на меня, было нечто успокаивающее, хотя у меня возникло чувство, что он вглядывается в меня слишком пристально для первой встречи. Казалось, он хочет пронзить меня насквозь – и имеет на это право. Возможно, он поможет мне вспомнить себя.

– Твоя мать сообщила, что ты обладаешь синестетическим² восприятием, – сказал он, дав понять, что начинается терапевтическая часть нашей встречи. – Синестезия – это особенный дар, обычно он передается по наследству. Были ли в вашей семье еще люди, которые синестетически воспринимали числа, запахи, людей, целостные воспоминания?

– Это мог мой дедушка, – ответила я. – К сожалению, он умер еще до моего рождения, но я знаю от мамы, что он мыслил цветами. Хотя он занимался выращиванием оливок, он рисовал картины.

– Ты тоже хочешь стать художницей, не так ли?

– По крайней мере, я попытаюсь. После окончания школы я хочу изучать искусство.

² Синестезия, синестетическое восприятие – неврологический феномен, явление восприятия, при котором раздражение одного органа чувств вызывает еще и ощущения, соответствующие другому органу чувств.

Норд кивнул:

– Ты хочешь определить цвет всего происходящего в твоей жизни?

– Да, примерно так.

– Ты уже нашла свой собственный цвет?

Я ждала этого вопроса. Его задавал мне практически каждый, кто узнавал, что я синни. И, как всегда, я только пожала плечами.

– Думаю, это синий, но не уверена. Определить самого себя крайне сложно.

– Как ты думаешь, – спросил Норд, склонив голову набок, – это темно-синий или голубой?

– Средне-синий, сказала бы я. Я рассматривала шкалу цветов, и ее середина подходит больше всего.

Он снова кивнул, будто понял из моего ответа больше, чем я сказала. Затем он взял с журнального столика папку, на которой стояло мое имя, и заглянул в нее.

– Перед нашей встречей я проконсультировался с твоими прежними терапевтами и твоей мамой, чтобы узнать предысторию. Как я уже говорил, синестезия – особенный дар, а вовсе не психическое нарушение. Но столь тонко организованные люди более восприимчивые, более ранимые. В особенности если они переживают такой тяжелый шок, как у тебя. Думаю, мы поработаем над тем, чтобы память вернулась к тебе. Есть ли хоть что-то, что ты можешь вспомнить? Я имею в виду вечер накануне смерти твоего брата.

Я закрыла глаза и потеряла виски, чтобы лучше сконцентрироваться. Но как я ни напрягалась, ничего не вышло. Каждый раз одно и то же. Как бы сильно я ни старалась, передо мной была лишь черная бездна.

– Нет, – сказала я в конце концов. – Знаю только, что мои родители поссорились. Они хотели куда-то пойти, а я должна была смотреть за малышом.

– А тебе этого не хотелось?

– Нет.

– Была ли в тот вечер какая-то особенная причина, почему тебе этого не хотелось?

– Не помню. Правда, не помню.

– Какой цвет ты видишь, когда не можешь ничего вспомнить?

– Черный. Черный, как чернила.

Норд взял свой стакан с водой, отпил глоток и с задумчивым видом наклонился ко мне:

– Пройдет немало времени, прежде чем чернила в твоей голове станут чистой водой. Но я уверен, что мы справимся! Должна быть какая-то причина, почему ты винишь себя в смерти своего брата.

Я взглянула на него с удивлением:

– Почему вы думаете, что я себя в этом виню?

Он снова посмотрел на меня таким многозначительным взглядом, как будто понимал больше, чем я хотела ему сказать.

– Это же лежит на поверхности, Дора. После смерти Кая у тебя начались тяжелые галлюцинации, и ты вынуждена была пройти курс лечения в клинике. Ты все еще видишь перед собой своего мертвого брата?

Я сглотнула:

– Нет, в последний раз это было довольно давно.

– А как обстоит дело с голосами?

Мне показалось, что далеко за стеной я слышала смехок. Такой смехок могут издавать только плюшевые зайцы. Я вспомнила ошарашившее меня столкновение с любимой игрушкой Кая, когда я открыла коробку, в которой мама хранила зайца. Коробка существовала в действительности. «Ты мне кажешься, – подумала я. – Прекрати же смеяться, проклятый заяц!

Это все только в моей голове, и моему терапевту не обязательно знать обо мне все. Я больше не хочу в клинику».

– Дора? – Норд пристально смотрел на меня.

Я сделала глубокий вдох. И смех, доносившийся из темной комнаты нашего дома, прекратился. Нет, неправильно. Смех доносился не из дома, он звучал в моей голове. Теперь он исчез.

– Голосов больше нет, – ответила я, постаравшись, чтобы мой голос звучал убедительно. – Уже давно.

Норд кивнул. Но по нему было видно, что он мне не поверил.

– Ты наверняка давно знаешь, что такое аневризма, – добавил он.

Я поняла, к чему он клонит.

– Врожденное расширение кровеносного сосуда, – сказала я. – У Кая он находился в головном мозге. Обычно это ничем не грозит, как мне говорили врачи. Но иногда от сильного напряжения аневризма может лопнуть. Тогда она вызывает мозговое кровоизлияние.

– Правильно, – подтвердил Норд. – Именно это и произошло с твоим братом. Это происходит чаще, чем предполагают. Но если осложнений не возникает, аневризма долго может оставаться незамеченной. Такое случается, если продолжительное время лежишь на солнце или сильно напрягаешься. Без предупреждения. Патологоанатом исходил из того, что Кай долго кричал. Так сказала твоя мать. Это ведь происходило часто, да?

– Да, он орал как резаный, когда что-то было не по нему.

– В особенности по утрам, если его не сразу забирали из комнаты?

– Это мама вам рассказала?

– Да, она. И еще сообщила, что на завтрак его обычно приносила ты.

Я боролась со слезами и отпила глоток воды, чтобы Норд этого не заметил.

– Я любила своего младшего брата, – сказала я смущенно. – Разумеется, были дни, когда я с удовольствием бросила бы маленького крикуна в пустыне. Но я бы никогда не сделала ему ничего плохого.

– В этом никто не сомневается. – Норд кивнул. – Так часто происходит, если брат или сестра намного младше. Ты наверняка чувствовала, что его существование тебя ограничивает.

Обхватив стакан обеими руками, я ощущала приятную прохладу, исходящую от него. Она была такой реалистичной.

– Да, – ответила я. – Он был совсем крохотным, и о нем заботились больше, чем обо мне.

– Поэтому ты ревновала к нему?

– Я никогда бы ничего ему не сделала, – повторила я. – Никогда. Понимаете? Конечно, Кай часто действовал мне на нервы, и это постоянное «Дора, сделай то, сделай это», «Дора, позаботься о своем маленьком братике»... Это дико злит, когда у тебя полно своих проблем. Я немного другая, а это нелегко – быть не таким, как все. Кроме того, я не лучшая ученица в школе, и подготовка к выпускным экзаменам требовала много сил. При этом я постоянно должна была изображать няню для младенца, это отнимает очень много энергии. Но, несмотря на это, я бы ничего не сделала моему маленькому брату!

– Этого никто и не говорит, – сказал Норд спокойно. – Никто, кроме тебя, Дора. И я спрашиваю себя: почему?

У меня начала болеть голова. В какой-то момент свет в кабинете показался мне слишком ярким. А песчано-серый цвет вокруг меня вдруг сделался неприятным, я не могла больше его выносить.

– Может, мы на сегодня закончим? – спросила я. – У мамы сегодня день рождения, и я хочу приготовить кое-что на ужин, когда она вернется с работы.

– Разумеется, – ответил Норд, ставя свой стакан на стол. – Это единственная причина?

Я кивнула, и Норд посмотрел на меня с пониманием:

– Еще кое-что, перед тем как ты уйдешь. Сейчас ты находишься далеко от всего, что могло бы напомнить тебе о событиях прошлого года. Это должно действовать на тебя умиротворяюще. Однако на тебя сыпятся новые впечатления, а это тоже стресс, хотя его не сразу можно распознать. В таких обстоятельствах твои симптомы могут появиться снова. Возможно, это уже произошло?

Он немного подождал, не отвечу ли я что-нибудь, но, поскольку я молчала, добавил:

– Прошу, продолжай принимать медикаменты и сразу же обращай ко мне, если заметишь за собой что-то необычное. Если снова появятся голоса или галлюцинации, например. Ты мне обещаешь?

– Да, – сказала я коротко. – Но мне действительно стало лучше, и я хочу использовать каникулы, чтобы перезарядить батарейку.

– Хорошая идея, – сказал Норд с улыбкой. – Больше бывай на природе, плавай, ходи в кафе-мороженое – там ты сможешь завести новые знакомства. Наслаждайся летом и жизнью. Тебе ведь всего шестнадцать.

Мы поднялись одновременно, и доктор проводил меня до двери.

– Поверь мне, Дора, рано или поздно ты избавишься от того, что тебя угнетает, – произнес он, положив мне руку на плечо; она излучала тепло и действовала успокаивающе. – Тебе нужно всего лишь немного терпения. Постарайся освоиться в новом окружении, и давай договоримся о дате твоего следующего визита.

– Окей, – согласилась я.

Мне показалось, что я слышу смех плюшевого зайца. Но по пути к дому я поняла, что это всего лишь двое маленьких мальчишек, бегущих со смехом вниз по улице.

4

Хоть доктор Норд мог принять это за глупую отговорку, насчет дня рождения мамы я не соврала. И я готовила для нее особенный сюрприз. Мама больше всего из еды любила бабушкину лазанью и не раз сетовала, как ее огорчает, что бабушка не научила ее. Несмотря на все усилия, ей не удавалось добиться такого же вкуса, как у бабушки, видимо добавлявшей какой-то секретный ингредиент.

Во время своего курса психотерапии я познакомилась со Стефано, робким мальчиком, потерявшим родителей в автокатастрофе. С того момента его преследовали голоса. Он целыми днями сидел ссутулившись и ни с кем не разговаривал. Но я нашла способ вытащить его из собственного мирка. Когда у нас в клинике предложили организовать кулинарные курсы, я вызвалась одной из первых и спросила Стефано, любит ли он готовить. К моему изумлению, он буквально расцвел, когда мы начали заниматься терапевтической кулинарией. Он рассказал мне, что его родители были владельцами ресторана и он тоже хотел в будущем стать поваром, как отец.

От Стефано я узнала рецепт замечательной лазаньи. Секрет ее состоял, во-первых, в том, чтобы отказаться от соуса бешамель, а во-вторых, в том, чтобы вместо красного вина в блюдо добавлять мелко нарезанные кубики бекона, много чеснока и свежую зелень. После выписки из клиники я сразу же опробовала новый рецепт, и тетю Лидию блюдо привело в восхищение. Я надеялась, что мама тоже порадует.

Я вывела из гаража старый горный велосипед, купленный два года назад на блошином рынке. Мой новый велик недавно украли в школе, а этот драндулет его прежний владелец покрасил в ярко-розовый цвет. «Этот точно не украдут», – заверил он меня. И оказался прав. Итак, я вытащила из гаража Мисс Пигги, как я окрестила новый велосипед, и поехала в город вниз по улице. Ульфинген – маленький город, его можно быстро пересечь из одного конца в другой. «В Берлине все будет иначе, – размышляла я, направляясь в супермаркет на другой окраине городка. – Наверное, мне потребуется какое-то время, чтобы избавиться от провинциальности».

Войдя в супермаркет, я еще раз пересчитала деньги. Двадцать и пять евро, этого должно хватить. Я катила тележку между торговыми рядами, складывая в нее все, что мне нужно. И одновременно подсчитывала в уме сумму, чтобы мне хватило денег. Подойдя к полке с консервами, я вдруг заметила знакомое лицо и остановилась. Это был тот самый симпатичный, но грустный юноша, которого я вчера видела выходящим от доктора Норда. Он перебирал на полке готовые блюда и, казалось, не мог решить, что бы выбрать. Я спросила себя: возможно, некому готовить для него? Может, именно поэтому он такой печальный.

В какой-то момент я хотела было с ним заговорить. Но прошла дальше вдоль рядов полок, пока он меня не увидел. Я могла бы сказать себе, что очень тороплюсь, что мне нужно скорее приняться за готовку, но это была лишь половина правды. Просто я робела. Когда на тебя однажды ставят клеймо сумасшедшего и ты попадаешь в психушку, после этого становишься значительно сдержаннее. Такое нескоро отпускает.

Набрав все необходимое для своего гастрономического сюрприза, я направилась к кассе.

– Двадцать два девяносто, – сказала продавщица, с равнодушным лицом просканировав на кассе все мои покупки.

Я выложила на блюдце деньги и подумала о том, какого цвета эта женщина. Мне представился сине-зеленый.

– Я сказала, двадцать два девяносто, – повторила продавщица, указав на мои деньги, – а здесь пять и...

Я вздрогнула. Вместо двадцатки я положила старый чек!

– Извините, – сказала я и порылась в карманах джинсовой куртки, где лежали деньги. Там было пусто.

– Ну же, юная дама, – возмутился мужчина, стоявший позади, – нельзя ли побыстрее? Не люблю, когда у меня отнимают время.

Я почувствовала, как кровь ударяет мне в голову, пока обшаривала другие карманы, но, кроме пачки жвачки, ничего не нашла.

– Вот дерьмо! Наверное, двадцатка выпала у меня из кармана...

Сине-зеленая продавщица равнодушно смотрела на меня.

– Может, я обслужу другого покупателя, пока ты ее поищешь? Сохранить твои покупки?

Меня затрясло. Только что я держала купюру в своей руке, я ее видела и ощущала, это ясно. Деньги были здесь, значит, я потеряла их по дороге к кассе.

– Вот они, – произнес кто-то рядом со мной.

Это был тот самый парень. Из-за волнения я не заметила, что он стоит в очереди за мной. Он передал кассирше двадцатку, и, прежде чем я успела что-то сказать, она выбила чек и дала мне сдачу. Я сердито взглянула на юношу:

– Тебе не нужно было этого делать. Наверняка мои деньги где-то валяются.

– Тогда давай их поищем, – ответил парень и улыбнулся. – Но сначала мне надо оплатить свои покупки, а то господин с огромным пакетом собачьего корма меня порвет.

Он кивнул на пожилого мужчину, и я рассмеялась.

– Меня, кстати, зовут Юлиан, – сказал он, пока мы шли бок о бок между рядами полок.

– Дора, – представилась я.

– Ты заходила в молочный отдел?

– Нет, я была там, где сыры.

Мы искали в каждом закутке, но купюра словно испарилась, хотя мы дошли до самого входа.

– Вот дерьмо! – снова взбесилась я.

– Никаких проблем. Ты вернешь мне двадцатку, когда у тебя будут деньги, окей?

Я посмотрела на него:

– Дело не только в деньгах, а... – Я не знала, как закончить фразу. Вспомнила о том, как Юлиан выглядел, выходя от доктора после сеанса. – Просто я должна быть уверена, что купюра у меня действительно была. Понимаешь?

Он наморщил лоб, и там надулась синяя вена.

– Ты же говорила, что, когда вошла в магазин, деньги у тебя были?

– Да... – Я закусила нижнюю губу.

– Так в чем же дело?

– Понимаешь... иногда я не могу доверять самой себе.

– Вот, значит, как? – Он кивнул с серьезным видом. – Я тебя понимаю.

– Правда?

– Да, конечно. Я знаю, что это такое.

«Просто-напросто психоз», – подумала я и улыбнулась, хотя вовсе этого не хотела.

– Верю, что ты знаешь. Вчера я видела, как ты выходил от доктора Норда. Давно проходишь терапию?

Юлиан рассмеялся:

– Ах, знаешь ли... Нет, я его сын.

«Прекрасно, – подумала я. – Просто прекрасно! Если у меня на пути будут лежать 50 лошадиных лепешек, я умудрюсь вляпаться в каждую».

– Мне жаль, – сказал он, – я не хотел тебя расстроить.

– Нет, все в порядке, – ответила я, хотя мое лицо могло соперничать цветом с постером на стене, рекламирующим «всегда свежие томаты». – Все окей. Теперь я знаю, куда принести деньги.

Юлиан взглянул на часы и пожал плечами:

– Сегодня не получится. Я скоро должен уйти и вернусь поздно. Но в другой раз – охотно. До скорого.

– До скорого.

Он пошел к своей «Веспе», закрепил пакет на крючке и поехал. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Потом вернулась в супермаркет и еще некоторое время поискала пропавшую купюру. Безуспешно. Казалось, ее никогда и не было.

5

Через час я сидела на полу своей комнаты и была готова разрыдаться. Сжимала кулаки и подавляла злость, которая охватывала меня со скоростью степного пожара. Это было паническое, темно-красное чувство отчаяния. Передо мной лежало содержимое моего кошелька: шесть банкнот по десять евро, две по пять, две по пятьдесят, которые вручила мне тетя Лидия перед отъездом – вознаграждение за мою прилежную учебу, как сказала она, – и несколько монет. Но ни одной двадцатки.

Между тем я была уверена, что купюра в двадцать евро существовала. Я сама достала ее из кошелька и засунула в карман джинсовой куртки, перед тем как поехать на велосипеде в универмаг. На входе я еще раз достала и пересчитала деньги, чтобы убедиться, что я действительно, действительно, действительно их с собой взяла! – и двадцатку при этом видела. В последний раз.

После отъезда Юлиана я еще раз проделала весь свой путь по супермаркету. В четвертый раз я заглянула даже в те ряды, куда не заходила, – на случай, если купюру сдуло туда сквозняком. Ничего. Зеро. Кроме двух комков пыли, детской соски, двухцентовой монетки и порванного чека, среди полок я ничего не нашла. Я сжала кулаки еще сильнее, острые ногти больно впились в ладони. Это было реальное ощущение.

Забавно, сказала я себе. Если я не нашла купюру, это ведь не значит, что ее никогда не существовало. Не исключено, что кто-то ее заметил и спрятал еще до того, как я обнаружила пропажу. Такое вполне могло произойти. Вероятно, этот кто-то даже видел меня на кассе или наблюдал за нашими с Юлианом поисками, думая: «Ищите, ищите, а я пока воспользуюсь вашими денежками. Находка принадлежит тому, кто нашел!» Что-нибудь в этом роде. «Мир не честен, – думала я, – своя рубашка ближе к телу». И так далее. Поэтому еще долго я не соглашусь признать себя сумасшедшей.

«Не поэтому, – поправил меня внутренний голос. – Когда ты соберешь достаточно доказательств, что не можешь доверять себе, у тебя появятся основания для этого. Но речь идет не о том, чтобы сойти с ума, а о том, чтобы снова стать сумасшедшей. Тут есть существенная разница». – «Неужели? Я не сумасшедшая. Я всего лишь ошиблась, такое с каждым может произойти». – «Разумеется, – согласился внутренний голос, однако это прозвучало неубедительно. – Мне это безразлично, но для себя ты должна решить». Именно это я и делала. Решила, что нет смысла без конца в себе копать. Главное, что двадцать евро исчезли. Этого уже изменить. Вне зависимости от того, были у меня эти деньги или нет. Потеряно значит потеряно. Точка.

Я пошла на кухню, достала покупки и вставила CD-диск в стоящий на полке плеер. Начала готовить, в то время как Kings of Leon³ наполняли весь дом громкой музыкой. Время от времени они играли песню «Нет денег». Пока готовилась лазанья, я думала о Стефано. В своем теперешнем состоянии я начала понимать, почему его так привлекала кулинария, почему это было для него важно. Приготовление пищи может вдохновить. Ты создаешь нечто, что ароматно пахнет и будет приятным на вкус, и кто-то этому обрадуется. Это умиротворяющее чувство, особенно когда тебе кажется, что вокруг сплошное дерьмо.

Я достала из плиты форму для выпекания и принялась за «тирамису а-ля Дора», мое фирменное блюдо: вместо алкоголя я вливала в эспрессо шоколадный сироп. Размешивая какао-порошок для десерта, я пританцовывала под звуки «Know your Enemy»⁴. Захлопнув дверцу холодильника, я вдруг услышала звонок телефона из коридора. Выключив музыку, я напра-

³ *Kings of Leon* – американская музыкальная группа, играющая в стиле альтернативный рок.

⁴ «*Know Your Enemy*» – название трека американской панк-рок-группы *Green Day*.

вилась к телефонному уголку. Мамусик выбрала устаревший рингтон, напоминавший мне о чем-то... о чем-то, что я забыла... что теперь не приходило мне в голову. Это ускользающее воспоминание... все равно что слово, которое вертится на языке, но никак с него не сорвется. И тут было что-то еще. Что-то связанное с лестницей. Но что?

Я хотела снять трубку, но не могла. Мои руки дрожали слишком сильно. Дрожь охватила меня целиком. При этом я о ней даже не думала. «Как проявляется телефонофобия?» – возник в моей памяти голос доктора Форстнера. Это произошло в его приемной, когда меня неожиданно скрутила судорога от раздавшегося телефонного звонка. «Я неожиданно пугаюсь, – попробовала объяснить я. – Как будто из трубки что-то выскочит и схватит меня. Странно, правда?» – «Как выглядит это что-то?» – «Не знаю. Но оно хочет причинить мне вред. Большой вред».

Я стояла как окаменевшая, глядя на верхнюю площадку лестницы, а телефон продолжал звонить. Тут я услышала, будто там, наверху, по полу кто-то крадется. Нечто постоянно находилось там, кашляло и хихикало.

– Там никого нет, – произнесла я тихо. И повторила так громко и отчетливо, как только могла. – Там никого нет!

Но существо там, наверху, подошло ближе. С минуты на минуту я могла его увидеть.

– Там! Никого! Нет!

Внезапно наступила тишина. Телефон умолк, и пугающие звуки на верхнем этаже прекратились. Я выбежала в сад, встала под ярким солнцем и начала глубоко вдыхать и выдыхать свежий воздух. «Пожалуйста, – просила я, – не надо начинать снова. Пусть это больше никогда не случится!»

6

Мамусик вернулась домой раньше, чем я ожидала. Едва открыв дверь, она блаженно зажмурила глаза и втянула ноздрями воздух.

– Лазанья! – Она порывисто обняла меня. – Кара миа, ты просто золото!

– Эй, ты меня задушишь. – Я попыталась отстраниться, смеясь. – С днем рождения, мамочка!

– Спасибо, солнышко, – сказала она взволнованно, я видела, что она искренне тронута. – Я боялась, что тебя нет дома.

– Почему?

– Потому что я звонила и хотела тебе сказать, что вернусь пораньше. Но ты не подошла к телефону.

– Наверное, я не слышала звонка, – соврала я. – У меня было включено радио.

Мама ничего не знала о моей телефонофобии. Я никогда ей этого не рассказывала. Один раз я чуть было не решилась, но мне было стыдно. Телефонофобия – как дико звучит! Надо быть настоящим психом, чтобы бояться звонка. Так считал Стефано, гениальный повар из клиники. В моем возрасте все с радостью общаются по телефону.

Когда мой психиатр впервые употребил этот термин по отношению к моей новой фобии, я подумала, какие еще фобии у меня могут возникнуть: страх дверного звонка? Боязнь почтальонов? Или паника, если кто-нибудь рядом со мной закашляет? Нет, я не позволю этому зайти так далеко. Я решила сражаться со своим страхом. И во время пребывания в клинике справлялась с этой задачей весьма неплохо. Позвонить куда-нибудь самой для меня не составляло проблемы – перед исходящими звонками у меня не было страха. Но если звонок раздавался рядом со мной, я старалась его проигнорировать. Или как можно быстрее выйти из комнаты, где звонил телефон.

К счастью, мама не удивлялась, почему ее шестнадцатилетняя дочка, вероятно, единственная во всем земном полушарии не просит на день рождения или на Рождество новый мобильник. У меня была подержанная древняя «Нокия», но я не пользовалась ею больше года и не смогла бы даже сказать, где она сейчас находится. Вероятно, в одной из картонных коробок со всяким скарбом. По мне, так она могла там оставаться и дальше. Для меня было крайне тягостно постоянно находиться в доступе для других.

Потом мы по-королевски поужинали за нашим складным столом, и мама рассказала о своем детстве на Сицилии. При этом я заметила, что характер нашей беседы изменился в сравнении с прошлым разом, когда мы так же сидели за столом. Это не была больше просто болтовня матери и дочери, как раньше, – мы разговаривали как две закадычные подруги, и это мне понравилось.

После трех бокалов вина мамусик рассказала мне о своем первом поцелуе во время сбора оливок – ей тогда было восемь. Она еще два года тосковала по мальчику, который за это время даже не дал о себе знать после ее переезда в Германию.

– Его звали Марко, и ему тогда исполнилось почти двенадцать, – рассказывала она, доверительно склонившись ко мне. – И он был такой милый!

– Я тоже сегодня познакомилась с парнем, – сказала я, заметив, как кровь прилила к моим щекам.

Разумеется, я не так близко познакомилась с Юлианом, как мама с Марко. Но – секрет в обмен на секрет. *Quid pro quo*⁵. Мама посмотрела на меня сквозь стекло фужера. По ее взгляду

⁵ *Quid pro quo* – фразеологизм, означающий буквально «услуга за услугу» (лат.).

я поняла, что она уже достаточно опьянела. Она неловко наклонилась ко мне, так что хрупкий столик подозрительно скрипнул.

– В самом деле? Расскажи. Он местный?

– Да, он отсюда.

Я вынуждена была сделать глубокий вдох. Мы впервые говорили о мальчиках – по крайней мере в таком ключе. Раньше я говорила кое о чем подобном с Беа, и с того времени, как наша дружба распалась, этих бесед мне не хватало.

– Не заставляй все вытягивать из тебя, как клещами! – Мама выглядела так, будто ей самой сейчас было шестнадцать, а вовсе не тридцать девять. – Он симпатичный?

– Вполне. Кстати, он наш сосед.

– Неужели?

– Его зовут Юлиан, – сказала я, почувствовав при произнесении его имени приятное дрожание в животе, которое я определила как синее. – Юлиан Норд.

– Выходит, он...

– Сын моего терапевта, да.

На какой-то миг мамино лицо сделалось серьезным, затем она снова беззаботно рассмеялась:

– И что? Ты в него влюблена?

– Ты шутишь, что ли? Мы всего лишь поговорили.

Несмотря на свой ответ, я задумалась над маминым вопросом. Если разобраться, я еще ни разу не была по-настоящему влюблена. Нет, бывало, конечно, я могла втюриться в парня, обычно втайне – я была слишком робкой, и он не догадывался о моей симпатии. Но по-настоящему... Нет, я еще никогда не была влюблена. По крайней мере в том смысле, как пишут в книгах. Однако дрожь в животе, которую я почувствовала, увидев Юлиана в супермаркете, походила на касание крыльев бабочки.

– Он мне кажется милым, – сказала я наконец.

Мама склонила голову набок и улыbnулась:

– Так-так. Ты находишь его милым. Насколько милым?

– Весьма и весьма.

Мы одновременно разразились приступом смеха. Мы смеялись так громко, что нас, наверное, было слышно с улицы. Так протекало время, и мы беседовали о вещах, о которых никогда не говорили друг с другом раньше. Казалось, мы заново познакомились. Новая Дора и новая Антонелла-мамусик, которыми мы стали за эти четырнадцать месяцев.

К тому времени как мы около полуночи стали расходиться по своим комнатам, мама допила бутылку. Она слегка шаталась, поднимаясь передо мной по лестнице.

– Спасибо, – произнесла она заплетающимся языком, запечатлев на моей щеке поцелуй на ночь. – Спасибо за чудесный вечер, моя лучшая подружка!

Потом она посмотрела на кровать в своей спальне так, будто прицеливалась.

– Целая бутылка вина! Боже, кара, завтра у меня будет чудовищная головная боль.

«Моя лучшая подружка». Слова мамы еще какое-то время звучали в моей голове, пока я сидела за письменным столом, вглядываясь в черноту летней ночи, и ждала, пока мой старый лэптоп загрузится. Я была слишком возбуждена, чтобы спать.

«Моя лучшая подружка». С одной стороны, я была безумно рада нашим хорошим отношениям – это было единственное, что осталось у меня из прошлого, – но, с другой стороны, я чувствовала пустоту в своем сердце. Одинок ли ты, узнаешь лучше всего тогда, когда у тебя больше двухсот френдов в фейсбуке, а в настоящей жизни ни одного. Никого, с кем можно срочно встретиться и поговорить или просто побыть вместе.

«Моя лучшая подружка». Разумеется, мамусик ею и была для меня. Но она была еще и моей матерью. Я просмотрела ленту друзей, почитала новости, большинство из которых приглашало на какие-то детские игры, и обнаружила, что 17 человек удалили меня из друзей. Как мило. Никого из них я не встречала в реале. С большинством я познакомилась на интернет-форумах для таких, как я. Там люди называют себя придуманными никами, например «Королева Психов», «Темные Мысли» или «Ничего-большие-не-хочу-85».

Там мы делились друг с другом своими психологическими заморочками, обсуждали медикаменты и их побочные действия, обменивались мнениями, каких психиатров мы считаем хорошими, а каких дерьмовыми. Изредка мы сообщали свои настоящие имена и заводили дружбу в соцсетях. Но это были ненастоящие друзья. По крайней мере не такие, о которых каждый мечтает. Все они были такими же фриками, как я.

Да, меня в школе так и называли: «Фрик!» В смысле те, кто обращал на меня внимание. Для большинства после возвращения из клиники я превратилась в пустое место. Будто я внезапно стала невидимкой. Последний удар нанес наш директор. При каждом удобном случае Мистер Корректность напоминал, насколько наша фаленбергская гимназия открыта миру и толерантна. Но все это были лишь пустые слова. От этого открытого миру и толерантного сноба я узнала, что означает слово «стигмат»⁶. Когда было решено, что я достаточно психически стабильна и могу снова посещать занятия, директор пригласил мою маму на разговор. Очень срочный разговор, подчеркнул он. Он наверняка не рассчитывал, что я буду сопровождать мамусика, потому что долго ходил кругами, раскрасневшись, с каплями пота на лбу, пока наконец не разродился. Было ли необходимо, спросил он, чтобы я возвращалась именно в свою прежнюю школу? Не будет ли после моего нервного срыва – что за дурацкое выражение! – новое окружение лучше для меня?

Поначалу мы с мамой по своей наивности решили, что его волнует мое психическое здоровье. Но вскоре поняли, в чем тут дело. Мама надавила на директора, и он сознался, что некоторые особенно заботливые родители боятся отправлять своих «деток» в одну школу со мной. Это показалось мне настолько диким, что я замерла с открытым ртом. У меня перехватило дыхание. Эти «детки» – а ни один из них не позволил бы назвать себя этим словом! – были все моего возраста. И все они меня знали. До того момента, как я обнаружила мертвого Кая и меня отправили в психушку, мы вместе сидели на занятиях, вместе отдыхали, ходили в походы, танцевали на дискотеках и давали прикурить жителям городка.

Совместное времяпрепровождение доставляло нам удовольствие. У меня со всеми были хорошие, ровные отношения, не припомню никаких ссор – по крайней мере таких, после которых мы бы не мирились. За кого же они меня теперь держат? За Ганнибала Лектора⁷ в юбке? Ситуация была хуже нет, но я испугалась, что не закончу учебный год, если переведусь в другую школу. И решила твердо стоять на своем. Нет, так легко я не сдамся, не позволю меня вышвырнуть!

Больше всего я хотела спросить директора, не боится ли меня он сам. Но сдержалась. Так я лишь доказала бы ему собственную неадекватность. Наконец мама скрепя сердце пришла к компромиссу с Мистером Суперкорректность. Если психиатр подтвердит мою вменяемость – именно так это называлось, – озабоченные родители могут быть спокойны и я доучусь в гимназии до конца года.

Последующие месяцы стали самыми тяжелыми в моей жизни. Я потеряла не только свою семью, но и друзей – тех, кто таковым казался. Никто больше не хотел иметь дела со мной. И я ответила взаимностью.

⁶ Стигмат – болезненная рана на теле мученика, изначально – раны на теле Иисуса Христа, полученные при распятии на кресте. Может употребляться в метафорическом значении: душевная рана гонимого по тем или иным причинам человека.

⁷ Ганнибал Лектор – вымышленный персонаж, серийный убийца и каннибал.

Стигмат – это слово я выучила в приемной директора. И унижение – второе. Но теперь мне больше не хотелось быть для всех фриком. Я мечтала о том, чтобы вести самую обычную жизнь. Я открыла меню фейсбука и нажала на кнопку «удалить аккаунт». Живите своей жизнью, Королева Психов, Темные Мысли и Ничего-больше-не-хочу-85. У фрика есть кое-какие свои дела. А я больше не буду фриком. Никогда и ни для кого!

Когда я захлопнула лэптоп, мне стало лучше. Серое чувство одиночества испарилось, и я почувствовала приятную усталость.

7

Я резко проснулась. Что-то меня разбудило. Мое сердце колотилось, будто за мной кто-то гнался, но причины внезапного испуга я не понимала. Ничего особенного не происходило ни в моей темной комнате, ни в ночи за окном. «Никакого мрачного существа с утробным голосом, которое следит за мной», – подумала я и поймала себя на том, что нервно хихикаю. Я поискала рукой радиобудильник, но вместо этого наткнулась на стену. «Ты больше не в своей прежней комнате», – напонила я себе. Там ночной столик стоял с правой стороны, как и в гостевой комнате тетушки Лидии. Теперь я должна привыкать к тому, что он с левой стороны кровати. Мои пальцы сжались еще сильнее.

Я развернула будильник и увидела крупные красные цифры: 23:19. Но такого просто не может быть! Мы с мамой пошли спать уже за полночь. Я стряхнула с себя остатки сна и посмотрела на циферблат еще раз. 03:19. Вот как. Это больше похоже на правду.

В комнате было жарко и душно, воздух из зарешеченного окна почти не проникал. Когда глаза привыкли к темноте, я различила ветки вишни, растущей у самого окна. Они качались на ветру, шурша листьями. Затем небо вдруг озарила яркая вспышка, но тут же опустился мрак. Судя по всему, приближалась гроза. Не от этого ли я проснулась? Но гроза была еще далеко, раскаты грома едва доносились, а сон у меня обычно крепкий. В детстве я часто засыпала на диване, когда мама с папой разрешали мне посмотреть вместе с ними фильм из вечерней программы. Потом папа на руках относил меня в кровать, и я спокойно продолжала спать дальше.

«Думаю, ты будешь спать как убитая, даже если на тебя дом обрушится», – говорил папа, когда утром я не могла вспомнить, как попала в кровать. Что же стало со мной теперь? И почему я вся дрожу, хотя в комнате даже чересчур тепло? Словно в ответ на свой вопрос я услышала удар деревом по дереву. Четкое «бамм». Шум доносился из сада. Звук был таким, будто треснула старая ветка. Потом послышался скрежещущий звук металла, а затем снова треск дерева.

Отбросив одеяло в сторону, я встала и подошла к окну. В саду было темно, ничего не различить. Когда молния снова осветила небо, я увидела, что дверь садового домика-беседки раскрыта и хлопает от ветра. Бамм!

– О нет! Этого еще не хватало!

Передо мной был выбор: либо закрыть окно, лечь в постель и умереть от духоты, либо вставить в уши плеер и постараться не обращать внимания на шум хлопающей двери в надежде, что дом все же на меня не обрушится. Либо пойти и закрыть проклятую дверь.

«Бамм!» – раздалось снова. За этим последовали два быстрых: «Бамм, бамм!» Ветер усилился. Это определило мое решение.

– Проклятье!

8

В верхнем ящике стола в кабинете я нашла фонарик.

– Привет из прошлого, – сказала я себе.

В старом доме мама тоже на случай отключения электричества держала под рукой фонарик со спичками и парой свечей. Я вышла из дома в беззвездную ночь через заднюю дверь на кухню. Она вела прямо в сад, к грядке с зеленью. Та сплошь заросла сорняками. Я включила фонарик. Батарейка почти разрядилась – наверняка мама давно им не пользовалась. Маленький желтый кружок падал на траву не далее двух метров, но этого было достаточно, чтобы найти прямой путь к беседке.

В саду стояла мертвая тишина, не было слышно ни одного звука – ни двигателей машин, ни телевизора соседа-полуночника. Только ветер ворошил листву плодовых деревьев и раскачивал высокие макушки. Я слегка осмотрелась, прежде чем двинуться дальше к беседке. Ее черный силуэт напомнил мне сказку о затопленной деревне, где над поверхностью воды торчал лишь шпиль башни.

Я не люблю темноту, в особенности вне дома и в одиночестве. В темноте можно много чего себе напридумывать. Видеть вещи, которых на самом деле не существует. Окружавшая меня тишина делала это навязчивое ощущение еще тягостнее: чем тише вокруг, тем больше вероятности в этой тишине вдруг что-то услышать.

Возможно, шуршание, шум шагов... Бамм! Я съежилась и издала нервный смешок, чтобы подбодрить себя и пойти дальше. «Это всего лишь беседка, дверь в беседку, – услужливо напомнило мне сознание. – Так иди же скорей, закрой дверь и постарайся вернуться в постель до того, как разразится гроза».

Когда я наконец дошла до беседки, то ощутила ее запах – запах дерева, разогретого жарким солнцем в течение дня. Серо-зеленый запах старых лестничных ступеней, отлетевшей краски и еще чего-то сладковатого, напоминающего пятна плесени и пыль. Я прикрыла тонкую дверь и хотела закрыть ее на засов. Но ничего не вышло, потому что старая древесина треснула.

Осмотревшись внимательнее, я заметила отколовшийся кусок на земле. Ветер так сильно хлопал дверью из-за того, что щеколда была выломана. Наверняка скоро вся беседка рухнет под собственной тяжестью. Я тихо выругалась и хотела как-то закрепить дверь. Свет фонарика становился все слабее, и мне пришлось войти внутрь беседки, чтобы хоть что-то различить в темноте.

Внутри бревенчатого строения запах плесени стал просто невыносимым. В углу стоял садовый инвентарь, покрытый паутиной. Я смогла различить лопаты, грабли, метлы и кривоногий стол, на котором сгрудились цветочные горшки и глиняная утварь. Мне не удалось найти ничего подходящего, чтобы заблокировать дверь, вставив черенок в ручку. Тогда я стала искать что-нибудь тяжелое, чтобы припереть дверь. Банку с краской или мешок с землей для цветов.

Я посветила на пол и обнаружила пустую кадку и плетеную корзину. За ними лежало что-то синее. Может быть, это мешок? Я прищурилась, наклонилась ниже, направила луч фонарика на синее тряпье... и чуть не вскрикнула от ужаса! То, что я приняла за мешок, оказалось парой ног в грязных джинсах. Затем я увидела лицо лежавшего на полу парня. Он весь скорчился. Бледное, угловатое лицо с разинутым ртом и широко раскрытыми черными глазами, как обычно рисуют у привидений.

«Вон отсюда!» – сказала я самой себе и рванулась назад, задев при этом стол. Несколько горшков слетели на пол и разбились вдребезги. Я что было сил рвалась на воздух и дальше, прочь, к дому. Быстро захлопнув дверь, я приперла ее своим телом. Сердце билось так, будто хотело вырваться из груди. Голос в моей голове снова проснулся.

«От чего ты хочешь убежать, дорогая? – услышала я насмешливый шепот. – У тебя снова начались галлюцинации или что?»

– Нет, там кто-то был, – произнесла я, испугавшись собственного голоса, звучавшего в тишине кухни пугающе громко.

«В самом деле? Кто же спрятался глубокой ночью в грозу под столом в вашей беседке? Может быть, черный человек?»

– Там был какой-то парень.

«Парень. Так-так. Звучит не очень хорошо, дорогуша. Видимо, фрик в тебе снова берет верх?» Я сглотнула. Голос был частью моего сознания, и он оказался неподвластным страху – тогда, может, он прав? Может, все мне только привиделось? Может, это была голова садовой статуи, мешок, цветочный горшок, пластиковая маска – нечто, что в неверном свете фонарика я приняла за лицо?

«Впрочем, – продолжал голос, – вспомни, что сказал тебе терапевт: поскольку ты обладаешь развитой фантазией, иногда она играет с тобой злую шутку».

До меня снова донеслось хлопанье двери. Бамм! Я подошла к окну и вгляделась в темный сад, поймав себя на том, что боюсь увидеть бледное лицо с широко раскрытыми черными глазами и раскрытым ртом. Теперь мне постоянно будет мерещиться, что оно готово в любой момент разбить стекло и напасть на меня. Ничего подобного, конечно, не существовало.

– Глупость, – шепнула я своему бледному отражению в оконном стекле. – Этого не может быть. В действительности я никакого лица не видела.

«Браво, дорогуша. Похоже, ты перестаешь быть фриком».

– А я им и не являюсь. И сейчас я вам обоим это докажу.

«Неправильно, дорогуша. Ты доказываешь это самой себе. А все остальные считают тебя сумасшедшей».

Я решительно взялась за ручку двери. Однако мне стоило больших усилий шагнуть в темноту и заставить себя вновь направиться к беседке.

9

Когда я добралась, небо перечеркнула особенно яркая, ветвистая молния, сделавшая небосвод похожим на диковинный витраж. Молния осветила набухшие грозовые тучи, готовые пролиться на землю. После этого снова стало темно, далекий гром пророкотал над холмами и домами маленького городка.

Мне надо было поторопиться, чтобы не вымокнуть до нитки. Фонарик как раз начал мигать: батарейка была на исходе, долго она не продержится. «Так взгляни же скорее под стол, дорогуша. И, как только ты убедишься, что там никого нет, ты сможешь припереть чем-нибудь дверь, чтобы она не хлопала». Хоть я и не сомневалась, что у меня обман зрения, прежде чем приблизиться к столу, на всякий случай взяла лопату. Крошки черепицы хрустели под ногами.

– Есть здесь кто-нибудь? – произнесла я дрожащим голосом.

Новая яркая молния высветила тень от крестовины окна. Через мгновение раздался оглушительный раскат грома, я даже ощутила дрожание досок беседки. Но был еще какой-то странный шорох. Будто кто-то скребется.

«Это ты, дорогуша?»

Лопата в моей руке дрожала. Я постаралась осветить гаснущим фонариком пространство под столом. И вдруг увидела руку, тянувшуюся ко мне из-под стола! Вскрикнув от ужаса, я уже подняла было лопату, готовясь нанести удар, но тут показалось лицо – лицо парня, которого я уже видела.

Несмотря на приступ паники, я поняла, что опасности нет. Напротив, парень, искавший защиты в темном укрытии, выглядел обессиленным и больным. Хотя свет фонарика почти сошел на нет, его оказалось достаточно, чтобы я могла рассмотреть незнакомца.

– Помоги... помоги мне, – тихо пробормотал он.

Голос звучал слабо и хрипло. Он выглядел ужасно: белый как мел, щеки запали, под слезящимися глазами образовались черные круги. Черные волосы торчали во все стороны, а на левом виске запеклась кровь. В слабом свете он напоминал персонажа фильма ужасов. Как зомби из «Ночи живых мертвецов», пришло мне в голову. Он протянул ко мне тонкую руку, и я увидела, что она дрожит. Не говоря ни слова, я положила лопату на пол. Не кажется ли мне все это? Реален ли парень?

– Пожалуйста, – прошептал он; его лицо искажала гримаса страха. – Помоги мне.

Я нагнулась к нему, хотя кровь по-прежнему стучала у меня в висках. Осторожно взяла его за руку, но он ее тотчас выдернул. Я снова тихонько дотронулась до него. Да, рука была настоящей! Я попыталась рассмотреть парня, насколько это было возможно при таком слабом освещении. Судя по всему, у него не было других видимых повреждений, за исключением раны на голове. Но нельзя делать вывод по одному лишь внешнему виду. Это я знала из курса первой медицинской помощи, который проходила, готовясь вступить в спортивную команду. Я бы обязательно в нее вступила, если бы не трагедия с Каем.

Зрачки парня были неестественно расширены, отчего его глаза казались огромными и почти черными.

– Что случилось? – первое, что я смогла выдать из себя.

Он смотрел так, будто от страха утратил разум.

– Зло... – пробормотал он едва слышно, – зло... хочет... угробить меня.

Ему было трудно говорить. Слова он произносил нечетко, заплетаясь языком, будто пьяный.

– Угробить тебя? Боже, кто же? Здесь никого нет, кроме нас двоих.

Он скосил глаза, отчего стали видны белки, и посмотрел в темноту под столом. В этот момент мой фонарик отказал окончательно.

– Дьявол, – прошептал парень в полной темноте. – Он чуть не убил меня... там, внизу.
Я попыталась снова обрести дар речи.

– Окей, – сказала я наконец, вставая и нащупывая дверь. – Полежи пока тут. Я позову кого-нибудь на помощь.

– С-с-с... – произнес он.

Возможно, хотел сказать, чтобы я пошла скорее.

– Конечно, – пообещала я, – жди, я скоро вернусь.

10

На половине дороги к дому меня ослепил луч света.

– Эй, Дора, – позвал меня кто-то доверительным тоном. – Что случилось?

Луч фонаря опустился, и я тотчас узнала Юлиана.

– Я услышал твой крик, – сказал он, – и пришел узнать, все ли в порядке.

– Как хорошо, что ты здесь! – выдохнула я. – Там, в беседке, лежит парень.

– Парень?

– Да. Сможешь за ним присмотреть, пока я вызову помощь?

Юлиан недоумевающе взглянул на меня, затем кивнул:

– Ясно. Конечно.

Я побежала в дом и набрала номер экстренной службы. Мне ответил женский голос.

– Мое имя Дора Бек, – начала я, стараясь вспомнить все пять вопросов, на которые надо ответить в подобном случае. Этому тоже учили на курсах неотложной помощи. Первый вопрос звучит – кто? Второй – где? – Я звоню из Ульфингена. В нашей садовой беседке лежит парень. Думаю, у него травма головы.

– Подожди минутку, Дора, – спокойно прервала меня женщина. – Какой у тебя точный адрес?

Черт возьми, нужен новый адрес! От волнения я не могла вспомнить название нашей улицы. Раньше мне никогда не приходилось его называть.

– Дора, ты здесь?

– Да, секунду.

Я обвела помещение глазами в поисках бумаги, на которой мог быть записан адрес, – письмо, адресованное маме, квитанция, записка, что-нибудь в этом роде, – но не нашла ничего. Это было какое-то цветочное название, вспомнила я. Розы, тюльпаны, гвоздики... Нет, что-то начинающееся на «а»! Вдруг перед моими глазами возникли цветы. Невысокие кустарники с цветами, распространяющими белый запах. Будто кто-то разукрасил кусты звездами. Астры!

– Астренвег! – выдохнула я. – Да, Астренвег, дом 23. Приезжайте, пожалуйста, как можно скорее!

Женщина говорила так невозмутимо, будто мы беседовали о погоде. Я понимала, что так она пытается понизить мою тревожность, но ее спокойствие и медлительность, напротив, бесили меня еще больше. В последнее время я встречала много людей, говоривших со мной в подобном тоне, особенно часто так делали санитары в клинике. «Привет, фрик. Что ты сказала?»

Она попросила еще раз повторить, что случилось. Я собрала волю в кулак и пересказала все с самого начала. Были ли в беседке другие раненые?

– Нет, я никого больше не видела.

Знаю ли я, как он получил рану на голове?

– Он сказал, что его вроде кто-то преследует и хочет убить.

– Убить? – эхом повторила она, и для меня это прозвучало словно: «Ты действительно так думаешь, фрик?»

– Черт побери, я понимаю, как странно это звучит! – крикнула я в трубку. – Но он сказал именно так. Оторвите же наконец от стула свою задницу!

– Пожалуйста, спокойно, Дора. Подожди минутку.

– Ждать? Боже мой, чего ждать?!

– На случай, если возникнут еще вопросы. Сейчас я поговорю с дежурным врачом. Не клади трубку.

Тяжело дыша, я подождала одну или две минуты. Потом женский голос снова прорезался и сообщил, что служба спасения скоро прибует. С облегчением я положила трубку и хотела было вернуться в беседку, как неожиданно на пороге возник Юлиан.

– Что случилось? – спросила я удивленно. – Почему ты не остался с раненым?

Он смотрел на меня взглядом, который мне не понравился. Абсолютно не понравился!

– Дора, – сказал он осторожно, – ты уверена, что в беседке кто-то был?

– Как? – Я почувствовала давление в груди. – Почему ты говоришь «был»?

Юлиан взглянул на меня беспомощно и показал лучом своего фонарика на дверь.

– Дора, в беседке никого нет.

– Что?! Что ты такое говоришь!

Я вырвала из руки Юлиана фонарь, выбежала в сад и помчалась по дорожке. В это время гроза разбушевалась с новой силой. Молнии прочерчивали небо, грохотал гром, лило как из ведра. Несколько раз я поскальзывалась на мокрой траве, дважды чуть не упала, пока добралась до беседки. Там я бросилась на четвереньки и направила луч фонарика под стол.

Никакого парня там не было.

– Эй! – крикнула я, вскакивая на ноги. – Эй, где ты, отзовись!

Я слышала, как вдалеке Юлиан зовет меня. И тут звук его голоса перекрыли сирены полиции и скорой.

11

– Так что у вас тут случилось?

Санитар скорой помощи рассерженно смотрел на нас с мамой и Юлиана. Он выглядел усталым и напряженным, так же, как и мамусик, чье лицо было опухшим от сна и выпитой накануне бутылки вина. Санитар стоял с нами под козырьком возле входной двери, сверху потоком лились дождевые струи. В зеркальных оранжевых полосках его куртки отражались синие огни полицейской машины. Его коллега в санитарной машине погасил фары.

– Где сейчас раненый парень?

– Не знаю. – Я пыталась избежать любопытных и насмешливых взглядов зевак, столпившихся вокруг четверть часа назад.

– Никого! – крикнул старший полицейский, стараясь перекрыть гром.

Он бегал под проливным дождем туда-сюда. Это был высокий мужчина с угловатым лицом и морщинками около глаз, и вряд ли «гусиные лапки» появились у него от улыбок. Опрос, которому он меня подверг по прибытии, походил на допрос опасного рецидивиста. Но, учитывая погоду, неудивительно, что напрасный вызов его разозлил.

– Мы все здесь обыскали, – сказал он, сбивая капли дождя с униформы. – Нет тут нигде никакого парня.

Мама посмотрела на меня серьезно:

– Дора, спрашиваю тебя еще раз: ты действительно видела этого парня?

– Он был здесь, мама! Лежал под столом.

– Но ты его не видел? – спросил полицейский у Юлиана.

– Нет. Когда я пришел в беседку, там никого уже не было.

Юлиан бросил на меня сочувственный взгляд и пожал плечами. Кивком я дала понять, что со мной все в порядке. По крайней мере, он сказал «уже не было», а не просто «не было». Какой вес может иметь одно маленькое слово!

– Какие повреждения у него были? – продолжил опрос полицейский. В этот раз он обращался ко мне.

– У него была рана на голове. Я вам уже говорила. Он едва дышал и бормотал нечто нечленораздельное.

– И в то же время он исчез, пока ты бегала домой? – Санитар испытующе смотрел на меня. – С ранением головы? Хотя едва мог говорить?

– Да, черт возьми! – крикнула я ему в лицо. – Не мог же он раствориться в воздухе?!

Мама положила мне руку на плечо и увела в коридор.

– Дора, послушай, – сказала она тихим голосом, бросив взгляд через плечо, словно полицейские могли ее услышать. – Если ты не уверена на сто процентов, скажи об этом лучше сейчас. Они сообщили, сколько мне придется заплатить за ложный вызов. А если сейчас начнется еще поисковая операция...

– Поверь мне, мама, я его видела! Он был здесь! Я его даже трогала!

– Тогда, в школьном туалете, ты тоже была уверена, вспомни.

Я заметила слезы в ее глазах. Разумеется, я помнила. За мной по коридору гнался Кай – с одутловатым посиневшим лицом, расширенными глазами и открытым ртом, такой, каким я обнаружила его в кровати. Я закрылась от него в туалетной кабинке и заперла дверь на щеколду. И никого не хотела к себе впускать. В конце концов слесарь взломал дверь, и меня отправили в психушку.

– Пожалуйста, мама, не надо, – прошептала я. – Сейчас все иначе. Парень был таким же реальным, как ты! Я его видела, говорила с ним и держала его за руку. Это не был мираж, точно!

Полицейский подошел к нам. По его взгляду я поняла, что он слышал нашу беседу слово в слово.

– Ты говорила, что его преследуют, – сказал он, избегая моего взгляда. – Сказал ли он, кто за ним гонится?

– Кто-то, кто хочет его убить.

– Ага. – Полицейский обменялся беглым взглядом с мамой.

В этот момент мне захотелось закричать. Но я понимала, что только усугублю положение, укрепив их обоих в подозрениях.

– Назвал ли парень какое-нибудь имя? – спросил полицейский.

– Нет, никаких имен.

– Но что-то он сказал?

– Он выглядел как безумный. Вероятно, из-за ранения головы.

– Что он сказал, Дора? – спросила мамусик.

Я вынуждена была сглотнуть слюну и помотала головой. Полицейский не спускал с меня глаз.

– Если ты что-нибудь знаешь, милая, скажи мне.

– Он не назвал никакого имени.

– Скажи наконец! – взорвалась мама. – Неужели ты не видишь, что мы все уже вне себя от злости?

– Хорошо, – ответила я сухо. – Он сказал, что за ним гонится дьявол.

Тут в мимике полицейского что-то изменилось. Он посмотрел на меня так, будто ослышался.

– Хорошо, Дора, – сказала мама, затаскивая меня в дом. – Иди в свою комнату. Я все улажу.

– Нет! – зарычала я. – Я не сумасшедшая! Парень был здесь, черт побери, он здесь правда был! Почему вы мне не верите?

– Мне очень жаль, – сказала мамусик полицейскому с санитаром. – Моя дочь пережила нечто очень тяжелое и с тех пор...

Я зажала уши руками и выбежала мимо них под дождь. Холодные капли хлестали меня по лицу, смешиваясь с моими горячими слезами, пока я мчалась по улице. Когда я наконец остановилась, то заметила, что за мной гонится Юлиан на своей «Веспе».

– Куда ты помчалась? – спросил он, стирая капли дождя с лица.

– Я его видела, – повторила я, – он действительно лежал в беседке.

– Тогда он должен быть где-то поблизости. – Юлиан обернулся и протянул мне второй шлем.

От изумления я не нашла, что ответить, надела шлем и взобралась на мотороллер.

– Держись крепче, – скомандовал он. – Сначала посмотрим в деревне. В таком состоянии он не мог уйти далеко.

Он нажал на газ, и мы помчались вниз по улице. Проехали мимо мамы и полицейского, как раз направлявшегося к своему фургону. Санитарная машина уже уехала.

12

Мы мчались в ночи. Я крепко держалась за Юлиана. Над нами, подобно гигантскому фейерверку, сверкали молнии. Удары грома разрывали тишину, и, поскольку у наших шлемов не было защитных щитков, ливень хлестал нам в лицо, пока мы проезжали улицу за улицей в поисках раненого парня.

Оставив за спиной группу зевак, собравшихся около нашего дома, больше мы не встретили ни одного человека. Была приблизительно половина шестого утра, в это время весь Ульфинген, казалось, вымер. Только время от времени в том или другом окне зажигался свет, когда Юлиан с ревущим мотором проезжал мимо по улочке, слишком узкой для его «Веспы», в надежде кого-то встретить. Один раз я заметила кошку, промчавшуюся по пешеходной дорожке. Она скрылась под козырьком входной двери одного из домов, ища укрытия от дождя.

В какой-то степени я чувствовала себя как во сне. И не могла бы сказать, обманный мираж это или какой-то воистину прекрасный сон. Я по-прежнему была взвинчена – мы обязаны были найти того парня! – и в то же время близость Юлиана действовала на меня успокаивающе. Он верил мне. Или, по крайней мере, хотел мне верить. Это придавало мне уверенности, которой мне так не хватало в последние месяцы. И прикасаться к нему было приятно, хотя эта мысль в тот момент казалась мне чем-то непозволительным.

Казалось, Юлиан, как и я, решил сделать все возможное, чтобы доказать существование раненого парня, – хотя моя надежда таяла с каждой новой улицей, по мере того как мы все дальше отъезжали от нашего дома и садовой беседки. Я вспоминала недоверчивый взгляд санитара с гусяными лапками вокруг глаз, когда я сказала, что парень исчез.

Мы достигли середины городка. Юлиан остановил мотороллер у колодца, украшенного фигурой святого Георгия. Святой Георгий занес меч над драконом, распростертым у его ног. Юлиан обернулся ко мне, стирая воду с лица.

– Он точно не мог так далеко уйти! – крикнул он мне, стараясь перекричать рев мотора и раскаты грома. – В такую погоду, да еще если он серьезно ранен.

Я кивнула и рассеянно посмотрела на церковь, едва вырисовывавшуюся сквозь плотный занавес дождя. Мы двинулись в ее направлении, проехали супермаркет и достигли окраины городка. Парень искал в беседке укрытия и защиты. Он бы точно не побежал в открытую по улице, опасаясь погони.

– Давай вернемся, – сказала я, поразмыслив, – хотя это для меня адски тяжело. Но нет смысла искать дальше.

– Ты собираешься сдать?

– Где нам еще искать?

Юлиан покачал головой:

– Окей, поедem назад. Но по тому же пути, которым ехали сюда.

– Еще раз по всем улицам?

– Конечно. Разве ты этого не хочешь?

Я готова была броситься ему на шею за его упорство. Но сдержала свой порыв.

– Разумеется, хочу!

– Хорошо. – Он улыбнулся мне и посмотрел вперед. – И пусть нам повезет!

– Надежда умирает последней!

Так часто говорила моя бабушка. И теперь я ухватила за ее поговорку, как и за Юлиана, продолжавшего поиски ради меня, хотя сквозь его тонкую кожаную куртку чувствовала, как он весь дрожит от холода и сырости. Дальше нам предстояло ехать в гору, по тем же узким проулкам и улицам с выходами на главную, как и прежде.

Дождь по-прежнему хлестал нам по лицам, я плохо видела и чуть не пропустила силуэт человека, прислонившегося к стене одного из домов. Высокий, худой...

– Вон он! Там! Тормози!

Юлиан резко затормозил, мотороллер вильнул влево. Я тотчас спрыгнула и помчалась за силуэтом, только что скрывшимся в одном из переулков. Я слышала, как Юлиан меня окликает, но продолжала бежать дальше. Ни в коем случае нельзя упустить парня снова.

В переулке меня встретили темнота и запах навоза, кучей наваленного у мусорного бака. Проход был узким, стены отражали гулкий звук моих шагов. Я остановилась и попробовала хоть что-то различить в темноте. Но помимо слабого света от фонаря, висевшего над одним из окон, все тонуло во тьме. Вдруг меня резко схватили две холодных руки и прижали к стене. Я вскрикнула от ужаса. Передо мной было небритое морщинистое лицо пьяницы. Он пристально посмотрел на меня. И еще сильнее придавил к стене фасада.

– Отпустите меня сейчас же! – крикнула я, попытавшись вырваться из его железной хватки.

Безуспешно.

– Где он? – Его голос был хриплым и скрипучим. При каждом слове бродяга дышал мне в лицо водочным перегаром.

– Отпустите, кому говорю!

Снова я попыталась вырваться из его мертвой хватки, но он прочно держал меня и смотрел угрожающе.

– Скажи, где он?

– Эй! – подбегая, крикнул Юлиан. – Сейчас же оставь ее в покое!

Тут вокруг нас в окнах стал зажигаться свет. Послышался мужской голос:

– Кто там шумит?

Мужчина отступил и выпустил меня. В какой-то момент он попал в луч света, и я смогла рассмотреть бездомного. Волосы были длинными, спутанными и грязными, засаленная куртка вся в дырах, как и грязные джинсы. Только рюкзак с красной эмблемой в виде рыбы казался относительно новым. Вероятно, он его где-то украл или выудил из мусорного бака.

– А ну проваливай! – крикнул Юлиан.

Мужчина поднял руку защищающимся жестом и зашагал, качаясь, по улице.

– С тобой все в порядке?

Я кивнула:

– Да, ничего страшного.

– Он обознался? – Юлиан посмотрел в конец улицы, где мокла под дождем его «Веспа». Бездомный исчез.

– Не знаю, – сказала я. – Он спрашивал, видела ли я кого-то. Возможно, он как раз имел в виду того парня?

– Думаешь, они как-то связаны?

– Без понятия. Вдруг этот тип как раз за ним и гонится?

Дьявол, подумала я, но не решилась произнести вслух.

– Спросить его об этом мы уже не сможем, он уже далеко.

– Я тоже так думаю. Давай лучше продолжим искать парня, хотя вряд ли в этом есть смысл. Он наверняка где-то спрятался.

Юлиан опустил глаза, рассматривая шлем у себя в руках. Он, несомненно, продрог. И мне было холодно в мокрой одежде. Потом он снова поднял взгляд на меня.

– Дора, можно тебя кое о чем спросить?

– Разумеется, спрашивай.

Внутренне я приготовилась к вопросу, который мне решительно не понравится. Об этом мне сказали глаза Юлиана: он снова глядел в пол, будто что-то обронил.

– Не могло ли случиться так, что ты перепутала этого типа с тем парнем?

– Ты имеешь в виду в беседке?

Юлиан кивнул:

– Может быть, бездомный пытался там укрыться от грозы? И ты сама говорила, что не могла как следует разглядеть незнакомца в темноте.

– Нет, – я решительно замотала головой, – это точно был парень. Он был примерно нашего возраста и не был пьяным. От типа, который меня схватил, разит алкоголем. От парня так не пахло.

Юлиан задумчиво закусил губу, затем снова надел защитный шлем:

– Ладно, поедem дальше.

– А можно я тоже задам тебе вопрос?

– Пожалуйста.

– Веришь ли ты, что я действительно видела парня в беседке? Я имею в виду, в то, что я вправду его видела?

Юлиан снова стал избегать моего взгляда, уставившись себе под ноги, на большую лужу, сверкавшую в свете уличного фонаря, как зеркало.

– Ты ведь в этом убеждена, – ответил он.

Я поняла, что он имеет в виду. Самое печальное, что я даже не могла на него за это сердиться.

13

В детстве бабушка рассказала мне историю о деревенском мальчике-подпаске, который от скуки и одиночества не раз напрасно кричал: «Волк!» Другие пастухи прибегали ему на помощь, но, видя, что никакого волка нет, уходили, рассердившись на него. Как-то раз молодой пастушок вновь оказался один. Он опять закричал: «Волк!» – и остальные пастухи прибежали. Снова волка не было, пастухи обругали его и пошли к своим стадам. Но на следующий день действительно пришел волк и унес овцу из стада мальчика. Пастушок напрасно звал на помощь: никто не пришел. Ему больше не верили.

14

Вернувшись домой, я сразу же прошла к себе в комнату, не зайдя к маме. Сняла и бросила мокрые вещи в угол, надела самую просторную футболку, какую только смогла найти, и забралась в постель. Я была полностью измотана и думала, что мне потребуется целый день, чтобы отоспаться. Однако мне ни на минутку не удалось заснуть. Парень в беседке не выходил у меня из головы. Его полный ужаса взгляд, его глухой, сломленный голос, просящий меня о помощи...

Так я ворочалась с боку на бок в темноте, пока первые лучи солнца не проникли в комнату. Я слышала, как мама хлопочет на кухне. Я встала и подошла к окну. Ничто, кроме двух луж и мокрой травы в саду, не напоминало об ужасной грозе минувшей ночи. Можно было подумать, что все мне только приснилось.

У меня раскалывалась голова от недосыпа. Я спустилась в кухню. Мама, стоя у окна, протянула мне обеими руками чашку с кофе. В стеклянном стакане на складном столике растворялись две таблетки аспирина. Она кратко сказала: «Доброе утро!», не взглянув на меня. Я вспомнила бабушкину историю о юном пастушке.

Мне тоже больше никто не хотел верить. Ни полицейские, ни санитар скорой помощи, ни Юлиан. А теперь и мамусик. Но ведь это совсем другое дело, потому что я никогда не кричала «Волк!» от одиночества или от скуки. Я тогда действительно видела Кая. Он выглядел ужасно. Совсем как в то утро, когда я нашла его мертвым в кровати. Позднее врач объяснил мне, что Кай умер от кровоизлияния в мозг, но это была лишь половина правды. Синеватый цвет одутловатого лица, вылезшие из орбит глаза и широко раскрытый рот – все это не было прямым последствием кровоизлияния. Скорее всего, он задохнулся, что и вызвало разрыв аорты.

В таком ужасном обличье я его теперь всегда и видела. Первый раз это произошло через два дня после похорон. Я увидела его отражение в оконном стекле классной комнаты, когда на перемене выбежала во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха. Тогда я тоже очень мало спала и меня тошнило.

Еще был случай, когда я увидела Кая по дороге в актовый зал. Он шел мне навстречу по лестнице, и я смогла хорошо его разглядеть. Безумие было в том, что я знала: это не мог быть Кай. Мертвецы ведь не выходят из своих гробов и не разгуливают по лестницам – мое сознание было не настолько затуманено, чтоб не знать этого. И они не могут за кем-то побежать в женский туалет, если при жизни не научились бегать. Моему братику было даже в кайф, что его носили на руках, открывая ему мир. Его прозвали за это толстопопиком с легкой руки тетушки Лидии. «Посмотри в сад, Кай. Ты видишь там папу? Он там копает. Скажи: «Ко-па-ет». Ты хочешь туда, к нему? А чего ты хочешь? А, конечно же, ты хочешь к мамочке? Не правда ли, малыш – прелесть?»

Разумеется, то, что меня тогда преследовало, заставив запереться в кабинке туалета, не было Каем. Это было лишь чудовищным плодом моей фантазии. Но с того момента мне стало казаться, что меня кто-то или что-то преследует. Я видела Кая столь же отчетливо, как сейчас вижу маму у окна. Он протянул ко мне руки и лепетал что-то нечленораздельное – говорить по-настоящему он еще не научился. Маленький монстр будто обвинял меня в чем-то. И я сходила от этого с ума.

Он появлялся снова и снова. В палате психиатрической клиники, где я лежала, в приемной моего терапевта и на улице, когда я решила совершить пробную вылазку. После этого меня снова поместили в закрытое отделение, в одиночную палату. Он постоянно смотрел на меня из угла комнаты, а я лежала на кровати и плакала. Мне хотелось только одного – чтобы это безумие наконец прекратилось. «Я не сумасшедшая! – рыдала я под больничным одеялом. – Когда же это наконец прекратится?»

Постепенно медикаменты начали действовать, и мои встречи с мертвым братом стали реже. Мне увеличили дозу, и мое состояние стало стабильнее, правда, появилась мучительная сухость во рту. Но я готова была терпеть что угодно, лишь бы чудовище Кай больше не появлялся. В конце концов я перестала его видеть. Даже во время сдачи экзаменов, когда я испытывала сильный стресс, потому что мне надо было нагнать материал.

Все шло гладко до вчерашнего дня, когда я обнаружила парня в беседке. Он был реальным, он там действительно лежал, однако мама и другие подумали, что у меня снова начались галлюцинации! Норд меня предупреждал: сейчас, после переезда, это может случиться снова. Напряжение спало, и на фоне этого я могла не распознать новый стресс.

Все это напоминало пожилую семейную пару, которая весь год мечтала об отпуске, и вот в первый же день они вцепляются друг другу в волосы, потому что эмоции не находят выхода. Каждый год о подобном пишут в газетах, как только начинается сезон отпусков. Вероятно, нечто подобное случилось и со мной. По крайней мере, другие так думали. А я считала иначе. Вчерашний парень не был таким, как чудовище Кай, он походил на персонажа триллера, но триллера, происходящего в реальной жизни. Я смогла его коснуться. Я чувствовала кожей его холодные пальцы, и они были такими же настоящими, как угасающий свет маминого фонарика. Боже мой, неужели все начнется сначала?

Хотя кухню заливали теплые солнечные лучи, меня знобило. Казалось, кто-то воздвиг стену между вчерашним счастливым вечером с мамой на кухне и нами сегодняшними.

– Мне пришлось выложить триста евро за ложный вызов, – произнесла мама тихо. – Они были так любезны, что дали мне несколько советов.

Затем она отвернулась от меня. Для первого рабочего дня она надела свой лучший деловой костюм и навела красоту, но косметика не могла скрыть опухших век. Мамин грустный взгляд разрывал мне сердце. Она не злилась на меня, я это видела. Нет, она беспокоилась. Беспокоилась о фрике. Я хотела что-то сказать, но слова застряли у меня в гортани.

– Мне бы хотелось, чтобы ты сегодня сходила к доктору Норду, – сказала мама. Она старалась говорить сдержанно, но я слышала предательскую дрожь в ее голосе. – Ты слышишь, Дора? Тебе следует сходить к нему.

Я снова ничего не ответила, только кивнула. Мама поставила кофейную чашку в раковину и выпила приготовленный аспирин. Проходя мимо, она ласково погладила меня по плечу. На большую близость мы в этот момент были не способны. Слезы стояли в глазах у нас обеих. Она вышла из дома. Я слышала, как захлопнулась входная дверь и отъехала машина. После этого я разрыдалась. Глубокое отчаяние пронзило меня всю. Лишь услышав какой-то шорох в саду, я смогла овладеть собой.

Что-то скребло по дереву. Я подумала, что в сад забралось какое-то дикое животное. Я услышала нечто похожее на тьяканье собаки, но потом услышала глубокое частое дыхание, будто кто-то отчаянно хватал ртом воздух.

– Нет, нет, нет! – воскликнула я. – Тебя здесь нет!

Я зажала уши руками, но звуки не прекратились. Они доносились не из сада, они возникли внутри моей головы. В этот раз я знала, что все исходит только из моей головы. Ложные галлюцинации, поскольку я нахожусь в состоянии стресса. Эмоционального стресса, как сказал бы мой терапевт из клиники.

Я побежала к двери, чтобы убедить свое сознание. Надавила на ручку и рванула дверь. Солнечный свет ослепил меня. Кряхтенье прекратилось. «Все не так, как вчера, – подумала я. – Когда я ушла, парень был еще там. Он не мог исчезнуть так же легко, как звуки в моей голове. Значит, он действительно был в беседке! А когда я вернулась в дом, он каким-то образом выбрался и где-то надежно спрятался».

Я взглянула на беседку. Несмотря на яркий день, она показалась мне слишком темной, будто старое дерево поглощало лучи. Черные окна напоминали глазницы. Мне даже помере-

щилось, что они с усмешкой за мной наблюдают. Но это был всего лишь муравей, бегущий по стеклу.

15

Даже при свете дня мне стоило большого труда войти в беседку. Пол скрипел под моими шагами. Несмотря на жаркий полдень, здесь было еще более душно, чем вчерашней ночью. Вокруг меня витал запах плесени, такой же темно-зеленый, как сам мох.

Я увидела, как клочья пыли танцуют в солнечных лучах, проникающих в щели. Под потолком паук сплел паутину. Она напоминала серые гардины, бывшие некогда белыми. Мухи, стрекозы, пчелы угодили в эту сеть. Сейчас от них остались лишь высохшие мумии. Садовый инвентарь в углу, горшки на столе, стройный буфет, в лучшие времена стоявший на кухне, – все это тоже было в течение многих лет облюбовано пауками.

До меня и полицейских – и до парня, естественно, – сюда много лет никто не заходил. Наверняка прежний владелец – похожий на Санту одутловатый мужчина – давно не заботился о своем садике в силу почтенного возраста. Вероятно, время от времени ему помогал кто-то из соседей. Но допотопной косилкой, стоящей рядом с буфетом, точно никто не пользовался с незапамятных времен.

Я оттолкнула ногой в сторону черепки и мусор. Увидела лопату, которой прошлой ночью собиралась воспользоваться для самообороны. Затем опустилась на четвереньки и заглянула под стол. Пол был пыльным, по нему ползало несколько муравьев. Но я заметила, что пыль во многих местах стерта. Открытие обрадовало меня. «Это не галлюцинация, – подумала я, – ты действительно был здесь!» Затем я увидела еще кое-что, отчего мое сердце начало биться сильнее. Рядом с корзиной на полу виднелись царапины. Пол давно не красили, а в поцарапанных местах проглядывала светлая древесина.

Я провела по полу ладонью и почувствовала мягкость дерева. Затем поцарапала его ногтями. Дерево легко поддавалось.

– Вот оно как. Очень просто.

Я сняла с шеи цепочку с медальоном, подаренным мне бабушкой на первое причастие. Медальон раскрывался, внутри находилось изображение Мадонны. Я взяла пару маленьких щепок, что отковырял парень, и осторожно вложила их в медальон. В этот момент на меня упала тень от открытой двери. Я испуганно вздрогнула и увидела Юлиана.

– Эй, – сказал он, – прости, не хотел тебя напугать. Я увидел, что беседка открыта, и подумал...

– Все в порядке. Посмотри-ка сюда. – Я указала ему на мусор на полу. – Вот доказательство. Здесь действительно кто-то был.

Он подошел и опустился возле меня на колени. Мне нравилось, что он рядом, и нравился жест, каким он откинул волосы с лица. И его запах. Немного пота и дезодоранта или геля для душа. Это был запах, заставивший меня подумать о моем насыщенно-синем. Но я не была уверена, что это его цвет. В его присутствии ощущался еще другой – коричневый... я не могла определить точно.

«Удивительно, – подумала я. – Сейчас он вне досягаемости. Будто прячется от меня за стену». Я спросила себя, что увижу, если решусь эту стену преодолеть. Вероятно, я найду там причину его печали, поразившей меня при нашей первой встрече. Сейчас печаль тоже исходила от него, хоть и не так сильно.

– Да, – сказал он, указывая на стертую пыль. – Похоже, тут действительно что-то лежало.

– Не «что-то» и не тот тип, на которого мы натолкнулись вчера. Говорю же, здесь был парень.

– Возможно. – Юлиан поджал губы.

– Не очень ты мне веришь.

Он посмотрел на меня и вздохнул:

– Дора, я не хочу тебя обижать, но речь не обязательно идет о человеке. Сюда могла забраться крыса или мышь. Или соседская кошка. Проникнуть в беседку не так уж трудно. И не обязательно делать это через дверь.

Я почувствовала, что краснею от гнева. Но в глубине души я понимала его. Вчера он ощутил, насколько для меня важно знать, что я не ошибаюсь. Вероятно, сегодня он подумал, что я пришла сюда найти подтверждение своим домыслам, чтобы картинка сложилась. Известно, что сумасшедшие из кожи вон лезут, чтобы их такими не считали. И пьяные готовы на все, лишь бы скрыть свое состояние. Как сын психотерапевта он должен был это знать. Но он ошибался. Это был не мой случай. Благодаря щепкам на полу я убедилась в своей правоте.

– Значит, зверь лежал на том самом месте, где я видела парня? Валялся в пыли и поцарапал пол?

– Да, такое вполне могло произойти, – сказал Юлиан, глядя на меня извиняющимся взглядом. – Это одно из немногих мест, где вообще можно поцарапать пол. Остальная часть покрытия довольно прочная.

Это было похоже на правду, но... Я сглотнула, хотя слюны во рту не было.

– Мне нужно на улицу. Здесь совсем нет воздуха.

Мы вышли наружу. Солнце ярко светило с безоблачного неба. Некоторое время мы стояли молча и лишь моргали, как слепые кроты.

– Откуда ты вчера так быстро явился? – спросила я, когда мое разочарование из-за сомнений Юлиана улеглось.

– Я услышал, как ты кричала в саду.

– Ночью?

– Да...

Он робко улыбнулся, оглянулся по сторонам и достал из кармана джинсов пачку «Мальборо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.